Н 40

35434/8

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

БИБЛІОТЕКА
ГАЗЕТЪ
„РѢЧЬ" И „СОВР. СЛОВО"
СЛУЖАЩИХЪ

821.7 + 76(47)](082)
Н 40
отсев

НЕВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ

ПИСАТЕЛИ и ХУДОЖНИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ г.
35434

ПЕТРОГРАДЪ

1915

4-й экз.

Изданіе
„Общества русскихъ писателей
для
помощи жертвамъ войны“
(Петроградъ)

Типографія **Т-ва И. Д. Сытина.** Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915.

„Невскій Альманахъ“ изданъ по порученію общаго собранія „Общества русскихъ писателей для помощи жертвамъ войны“.

Въ составъ редакціоннаго комитета вошли: Ѳ. Д. Батюшковъ, С. А. Венгеровъ, А. Г. Горнфельдъ, Л. Я. Гуревичъ, Н. А. Котляревскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, Ѳ. К. Сологубъ, Е. П. Султанова. Предсѣдателемъ комитета былъ избранъ С. А. Венгеровъ, обязанности секретаря исполняла Е. П. Султанова.

Художественною частью завѣдывали Ѳ. Г. Беренштамъ и С. К. Маковскій.

Всѣ издержки по изданію „Невскаго Альманаха“ приняло на себя Т-во И. Д. Сытина.

Петроградъ, 7 апр. 1915.

КОГДА КОРОТКІЙ ДЕНЬ СКЛОНЯЕТСЯ КЪ ЗАКАТУ...

Когда короткій день склоняется къ закату
И сумракъ осени объемлетъ все кругомъ,
Живѣй, больнѣе сердце чувствуетъ утрату,
Мрачнѣе кажется осиротѣлый домъ.

Во тьмѣ глубокой мысль о прошломъ невозвратномъ
Душой тоскующей овладѣваетъ снова,
И слышится порой, въ созвучьѣ непонятномъ,
Вдали звенящее, ласкающее слово.

Средь жуткой тишины какъ будто раздаются
Въ сосѣдней комнатѣ знакомые шаги...
И вѣрится на мигъ: воскреснутъ и вернутся
Былые, тихіе и радостные дни.

Но безконеченъ рядъ гнетущихъ настроеній,
Не разгоняетъ тьму воспоминаній свѣтъ,
Отрады не даютъ попытки утѣшеній,
И приговоръ судьбы гласитъ: забвенья нѣтъ!

К. Арсеньевъ.

НЕБО И ЛЮДИ

Когда вспоминаютъ извѣстные стихи изъ посланія Лермонтова «Валерикъ», съ тревожнымъ вопросомъ человѣку: «Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—Но безпрестанно и напрасно—Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?»..., то, конечно, у дипломатовъ найдутся сотни отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Да вѣдь и самъ «не дипломатъ» Лермонтовъ и враждовалъ и воевалъ, не разъ отличившись въ стычкахъ съ горцами и на развѣдкахъ. Никому не придетъ въ голову ставить этотъ вопросъ обороняющимся, защитникамъ родины. Но онъ напрашивается самъ собою по отношенію къ зачинщикамъ войны. И какъ блѣдны и неубѣдительны всѣ разсужденія о «торговомъ договорѣ», о прерогативахъ мірового рынка, объ опасности въ будущемъ слишкомъ сильнаго сосѣда, о чемъ еще?—словомъ, всѣ хитроумныя разсужденія забронированныхъ дипломатовъ передъ простыми и глубокими словами Лермонтова: «Небо ясно.—Подъ небомъ мѣста много всѣмъ»...

Въ одномъ только ошибался поэтъ, считая закономъ природы то, что есть человѣческая правда. Въ природѣ—борьба и враждованіе каждаго противъ всѣхъ, и побѣждаетъ сильнѣйшій. Только въ отраженіи человѣческой души природа окрашивается ореоломъ божественнаго храма, располагающаго къ молитвенному настроенію. Только для человѣка и сила не въ силѣ, а въ правдѣ. Чувство природы есть вполнѣ человѣческое чувство, и сентиментальная философія XVIII вѣка, возвеличившая культъ природы въ ней самой, конечно, несостоятельна.

Но люди, создавая, разрушаютъ собственныя построенія; быть можетъ, они будутъ вновь создавать. Вѣковая борьба началъ—добра и зла, плоти и духа, эгоизма и общаго братства людей, нарушаетъ цѣльность единаго влеченія духа. Несомнѣннымъ, внѣспорнымъ въ этомъ спорѣ, по человѣческимъ понятіямъ, только одно—это ж е р т в ы войны. И пусть «небо ясно», пусть «звѣзды и небо» кажутся поэту лучше человѣка,—только человѣкъ обладаетъ даромъ «дѣлать добро», который недоступенъ звѣрямъ и невѣдомъ природѣ. Тотъ, кто отворачивается отъ жертвы—утрачиваетъ одно изъ лучшихъ свойствъ человѣка.

Ѳ. Батюшковъ.

JUVENILIA

I

Они говорили о ранней веснѣ,
О бѣлыхъ, синихъ снѣгахъ.
А тамъ—горѣла звѣзда въ вышинѣ,
Горѣли двѣ жизни въ мечтахъ.

И смутно помня прошедшій день,
Привѣтствуя сонную мглу,
Они чуяли храмъ, и холодъ ступень,
И его золотую иглу.

Но сказкой вѣяла синяя даль,
За сказкой—утренній свѣтъ.
И брезжило утро, и тихо печаль
Обнимала послѣдній отвѣтъ.

И день всходилъ, величавъ и строгъ.
Она заглянула въ высь...
Въ суровой мглѣ холодѣлъ порогъ
И золото мертвыхъ ризъ.

А. Ф. Аванасьевъ.

Рисунокъ.

II

И поздно, и темно. Покину безъ желаній
Бунтующій весельемъ Божій домъ.
Окончу свѣтлый путь, не буду ждать свиданій.
Какъ шелъ туда, и выйду—незнакомъ.

Послѣдній вздохъ, и тайный и бездонный,
Слова послѣднія, послѣдній ясный взглядъ,—
И мракъ ночной, мечтою озаренный,
Но свѣтлыхъ лѣтъ не воротить назадъ.

Въ иную тьму, уже безъ старой силы,
Безгласно отхожу, покинувъ ясный брегъ,
И не узнать его—быть можетъ, до могилы,
А можетъ быть, не встрѣтиться вовѣкъ.

Александръ Блокъ.

КЪ ЛУНѢ

Ты—въ живомъ заостреньи ладья,
Ты—развязанный поясъ изъ снѣга,
Ты—чертогъ золотого ковчега,
Ты—въ волнахъ Океана змѣя.
Ты—изломанный съ края шатеръ,
Ты—кусокъ опрокинутой кровли,
Ты—намекъ на минувшія ловли,
Ты—пробѣгъ черезъ полный просторъ.
Ты—вулканъ, переставшій имъ быть,
Ты—погибшаго міра обломокъ,
Ты зовешь—проходить средь потемокъ,
Чтобъ не спать, тосковать, и любить.

К. Бальмонтъ.

П О Р А!

Была пора ударить бурѣ,
Расчистить хмурый небосводъ.
И вотъ—нѣтъ проблесковъ лазури,
Гроза гремитъ, гроза растетъ.

То не камышъ подъ вѣтромъ гнется,—
Твердыни крѣпостей дрожатъ;
Не дождь на травы пастбищъ льется,—
Стальной стучитъ по грудямъ градъ;

То не деревья, въ вихрѣ яромъ,
На берегъ рухнули пруда,—
Кругомъ обгрызены пожаромъ,
Лежатъ въ руинахъ города.

Съ Атлантики вплоть до Урала
Самумомъ движутся полки;
Кровь—снѣгъ и травы запятнала,
Кровь—замутила токъ рѣки.

На вольныхъ вѣчныхъ океанахъ,
У стѣнъ пяти материковъ,
Мелькаютъ, безъ огня въ туманахъ,
Громады боевыхъ судовъ.

Темны мечты, видѣнья дики,
Водоворотомъ схваченъ міръ.
Вездѣ—штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушекъ и мортиръ.

Гроза «военной непогоды»
Шумитъ по градамъ и полямъ,
Да выйдутъ древніе народы
Изъ бури къ просвѣтленнымъ днямъ!

Пусть громы пробушуютъ въ небѣ,
Огнь молній пусть прожжетъ сердца,—
И пусть узнаютъ всѣ свой жребій,
Свою судьбину—до конца!

1914. Валерій Брюсовъ.

БЫЛЪ ОНЪ РЕВНИВЫМЪ, ТРЕВОЖНЫМЪ И НѢЖНЫМЪ...

Былъ онъ ревнивымъ, тревожнымъ и нѣжнымъ,
Какъ Божіе солнце, меня любилъ,
А чтобы она не запѣла о прежнемъ,
Онъ бѣлую птицу мою задушилъ.

Промолвилъ, войдя ко мнѣ рано въ свѣтлицу:
«Люби меня, смѣйся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглымъ колодцемъ у старой ольхи.

Ему обѣщала, что плакать не буду,
Но каменнымъ сдѣлалось сердце мое,
И кажется мнѣ, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голосъ ея.

Анна Ахматова.

КОРОЛЬ АЛЬБЕРТЪ И БЕЛЬГІЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ

Если въ чужихъ странахъ о бельгійскомъ королѣ Альбертѣ мало что знали до настоящей войны,—этой великой трагедіи, конца которой еще не предвидится,—то въ Бельгіи онъ успѣлъ завоевать всеобщую любовь и уваженіе. Любовь къ труду, терпѣніе и упорство при достиженіи намѣченной цѣли, молчаливость, замкнутость, необычайная скромность, тонкая мечтательность, любовь къ своей странѣ и къ ея славному прошлому, преклоненіе передъ старинной живописью, наряду съ увлеченіемъ спортомъ,—всѣ эти черты короля Альберта близки душѣ его народа. Особенно популяренъ король Альбертъ въ средѣ бельгійскихъ писателей, такъ какъ онъ заявилъ себя искреннимъ другомъ литературы. Послѣ того, какъ было учреждено новое министерство искусства и литературы и былъ поднятъ вопросъ о созданіи въ Брюсселѣ національнаго театра, исчезло равнодушное, а то и враждебное, отношеніе публики къ писателямъ, стали посѣщаться публичныя лекціи по литературѣ, драматическія общества и театры принуждены были вспомнить о мѣстныхъ авторахъ. Эта перемѣна въ отношеніи бельгійскаго общества къ роднымъ писателямъ стала замѣчаться послѣ 1907 г., когда наслѣдный принцъ

Альбертъ, теперешній король, на одномъ изъ собраній общества Amis de la littérature, заявилъ о необходимости возвести національную литературу на подобающее ей почетное мѣсто, подчеркивая, что въ его будущее царствованіе онъ не только не будетъ презирать «это идеальное царство», но придетъ къ нему на помощь, такъ какъ только оно одно обезпечиваетъ странѣ личное достоинство и длительное бытіе.

Король Альбертъ сдержалъ свое слово и при каждомъ удобномъ случаѣ оказывалъ поддержку бельгійскимъ писателямъ. Въ 1910 году, когда въ Брюсселѣ была устроена всемірная выставка и на ней, среди множества блестящихъ павильоновъ выдѣлялся «Домъ писателей», гдѣ были собраны портреты, рукописи, книги всѣхъ бельгійскихъ писателей, пользующихся французскимъ, фламандскимъ, валлонскимъ языками, король Альбертъ еще разъ подчеркнулъ свою любовь къ бельгійской литературѣ. 5-го іюля 1910 г. король вмѣстѣ съ королевой внимательно осматривалъ этотъ залъ, причемъ Э. Верхарнъ, встрѣтившій его красивою рѣчью, давалъ объясненія.

Король Альбертъ на прощаніе произнесъ слѣдующія слова:

«Подобно тому, какъ художники запечатлѣваютъ на своихъ безсмертныхъ полотнахъ современную имъ жизнь, такъ и писатели, передавая въ здоровыхъ и сильныхъ произведеніяхъ народныя чувства, отражаютъ всю націю съ ея мыслями, надеждами, страданіями. Воспоминаніе о великихъ эпохахъ нашего прошлаго осталось живымъ, благодаря безсмертной славѣ нашихъ художниковъ и архитекторовъ. Художники прославили нашу страну, но никогда еще она не знала столь блистательнаго расцвѣта литературы. Теперь мы присутствуемъ при упорной и чудесной работѣ нашихъ писателей, которые передаютъ нашу жизнь и составятъ будущую славу Бельгіи. Надо надѣяться, что произведенія бельгійской мысли явятся прочными памятниками національнаго генія, подобно всѣмъ соборамъ, башнямъ и ратушамъ нашихъ старинныхъ городовъ».

Какимъ далекимъ кажется это недавнее мирное время: король Альбертъ мужественно сражается въ рядахъ своей арміи, художники слова раздѣлили общую участь вѣрныхъ сыновъ несчастной Бельгіи. Тѣ изъ нихъ, кто палъ за правое дѣло, не будетъ забытъ, а кто перенесетъ это великое испытаніе, найдетъ въ себѣ новыя силы для будущей работы, и мы вѣримъ, что союзъ вождя народа и его пѣвцовъ станетъ еще крѣпче, еще дружнѣе, во имя возрожденія героической родины.

Марія Веселовская.

А. Ѳ. Гаушъ.

Англійскій пейзажъ.

НЕ БУДЕМЪ, КАКЪ СОЛНЦЕ

О нѣтъ. Не въ падающій часъ закатный,
Когда, блѣднѣя, стынутъ цвѣты дня,
Я жду прозрѣній силы благодатной...

Востокъ—въ сіяньи крови и огня:
Горѣло, рдѣло алое кадило,
Предвѣстный вѣтеръ вѣялъ на меня,

И я глядѣлъ, какъ медленно всходило,
Багряной винностью окроплено,
Жестокое и жалкое свѣтило.

Во славѣ, въ пышности своей, оно,
Самодержавное Величество природы,
Средь голубыхъ пустынь—всегда одно;

Влекутся соблазненные народы
И каждому завидуютъ лучу.
Безумные! Во власти—нѣтъ свободы,

Я солнечной пустыни не хочу,
Въ ней рабье одиночество таится...
А ты—свою посмѣй зажечь свѣчу,

Посмѣй роптать, но въ ропотѣ молиться,
Огонь земной свѣчи хранить, нести,
И, покоряя,—вольно покориться...

Умѣй быть вѣрнымъ вѣрному пути,
Умѣй склоняться у святыхъ подножій,
Свободно жизнь свободную пройти,

И слушать... И услышать голосъ Божій.

З. Гиппіусъ.

Младость

Пьеса Леонида Андреева

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ПЬЕСЫ «МЛАДОСТЬ»

Въ провинціальномъ городѣ живетъ хорошая и дружная семья Мацневыхъ: отецъ, банковскій чиновникъ, Николай Андреевичъ, его жена, Александра Петровна, и трое дѣтей. Самый младшій, Васька-Васюкъ, приготовишка; скромная и милая дочь Надя, оканчивающая гимназію, и старшій — студентъ Всеволодъ, серьезный, красивый и печальный юноша. Томимый неясною тоскою и молодыми сомнѣніями въ смыслѣ жизни, онъ рѣшаетъ покончить самоубійствомъ; его другъ, офицеръ Нечаевъ, некрасивый и мало образованный, но романтически благородный человѣкъ, присоединяется во имя дружбы и недовольства личной своей жизнью къ его рѣшенію. Почти наканунѣ двойного самоубійства, умираетъ внезапно отецъ Всеволода, и эта смерть разрушаетъ мрачный планъ друзей: ужасъ смерти и страданія близкихъ, выведя юношу изъ круга личныхъ переживаній, родятъ сознаніе и чувство нерасторжимой и крѣпкой связи съ людьми и міромъ, пробуждаютъ чувство благоговѣнія передъ загадочной, но прекрасной жизнью. Кончается юность, съ ея смутными томленіями и зовами, и наступаетъ пора сознательной работы мысли.

Настоящая сцена захватываетъ тотъ моментъ, когда Всеволодъ и Нечаевъ рѣшаютъ покончить самоубійствомъ; непонятная и глубокая красота майской лунной ночи только усиливаетъ ихъ неясныя томленія. Они оба не понимаютъ, что то чувство, которое они считаютъ тоской и отчаяніемъ, есть лишь страстная жажда жизни и радостей ея.

Въ прогулкѣ по полотну участвуютъ сестра Всеволода Надя и ея подруги по гимназіи, хорошенькая Катя и Столярова. Особое положеніе въ пьесѣ занимаетъ гимназистка Зоя, въ которую влюблены оба друга, частью скрывая это, частью въ борьбѣ великодушія взаимно уступая ее. Сама она любитъ Всеволода.

Авторъ.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Конецъ мая. Полная луна.

Темный профиль невысокой желѣзнодорожной насыпи, самое полотно и даль позади его залиты немеркнущимъ ровнымъ свѣтомъ мѣсяца. Двѣ высокія березы по эту сторону; стволы ихъ слабо бѣлѣютъ въ тѣни насыпи, а кроны, пронизанныя свѣтомъ, кажутся прозрачными и воздушными. Пѣшеходная тропинка, идущая внизу вдоль насыпи, въ этомъ мѣстѣ наискось подымается на полотно. По тропинкѣ—гуськомъ и по двое—идетъ гуляющая молодежь: здѣсь Мацневы, братъ и сестра, Зоя, Нечаевъ, статистикъ Василій Васильевичъ, молчаливый, худой человѣкъ; развязный студентъ въ кителѣ; второй студентъ, Котельниковъ, бородатый, въ штатскомъ; гимназистъ Кореневъ, Миша, двоюродный братъ Мацневыхъ, и его товарищъ семиклассникъ. Двѣ окончившія гимназистки: хорошенькая Катя и Столярова.

У подъема на верхъ нѣкоторая заминка; поднявшись, темными силуэтами четко и рѣзко вырисовываются на фонѣ озаренной свѣтлѣющей дали и скрываются налѣво. Смѣшанный, негромкій гулъ голосовъ; изрѣдка смѣхъ. Кто-то впереди на ходу тренькаетъ на гитарѣ. Поблескиваютъ пуговицы студенческихъ кителей, погоны Нечаева.

Мацневъ и Нечаевъ, нѣсколько отдѣлившись, идутъ сзади другихъ послѣдними.

Студентъ. Господа, наверхъ! Здѣсь нѣтъ проходу. Наверхъ!

Голоса. Почему?—Наверхъ, говорятъ, надо верхомъ итти!—Котельниковъ, гдѣ вы?

На минуту сбиваются въ кучу.

Котельниковъ (спокойнымъ басомъ). Здѣсь, господа, наверхъ

Гимназистъ. Скоро мостъ, вонъ уже семафоръ!

Катя. Голубчики мои, да тутъ поженьки всѣ переломаешь! Вотъ — вели, вели—да и завели. Столярова, карабкайся!

Голоса. А сторожъ?—Можно итти, я всегда хожу!—Да нельзя же низомъ, тутъ мостъ, вамъ говорятъ!

Кореневъ. Надя, Зоя Николаевна, что же вы? Внизу нельзя!

Нѣкоторые уже поднялись, другіе поднимаются. Тотъ, что съ гитарой, впереди.

Катя (съ полугоры). Постойте: а поѣздъ пойдетъ. Я боюсь!

Кореневъ. Да честное же слово, ничего! Здѣсь настоящая дорожка.

Гимназистъ. Идемте же! Ну, что стали!

Котельниковъ. Вонъ Василь Василичъ впередъ уже удралъ! (Кричитъ). Василь Василичъ!

Василій Васильевичъ (не останавливаясь и не переставая тренькать). Здѣсь иду.

Гимназистъ (наверху, скверно поетъ). Тебя я, вольный сынъ эѳира, возьму въ надзвѣздные края—и будешь тамъ царицей мі-і-і-р... (обрывается).

Котельниковъ (спокойнымъ басомъ). Подруга вѣчная моя.—Я пошелъ!

Всѣ поднялись на насыпь.

Надя. Миша, какъ ты скверно поешь, тебѣ не совѣстно?!

Кореневъ (хохочетъ). Это Скворцовъ загнулъ!

Надя. Ну, такъ извините. Зоечка, я возьму тебя за руку.

Зоя. Бери. А гдѣ же Нечаевъ?

Студентъ. Они сзади идутъ. Не оцарапайтесь, Зоя Николаевна, тутъ скользко.

Зоя. Нѣтъ, пожалуйста не держите, я сама.

Голоса (наверху). Конечно, здѣсь лучше!—Какая красота, матушки мои!—Я давно говорю, пойдемте по полотну!—Превосходная тропинка.—А сторожъ?—Да брось ты сторожа, вотъ привязался!

Гимназистъ (кричитъ). Василь Василичъ! Василь Василичъ!

Постепенно скрываются.

Катя. А я по рельсѣ пойду! Охъ, проклятая!.. Столярова, иди.

Надя. Я тоже. Ой, сразу сорвалась!

Студентъ. Давайте мнѣ руку.

Надя. Нате.

Катя. Лучше самой и... загадать... сколько пройдешь. Готово! Сверзилась! Это не считается!

Надя. Пустите руку, я также сама! Катя, я иду!

Студентъ (Зоѣ). А вы не хотите, Зоя Николаевна?

Зоя (печально). Мнѣ не о чемъ гадать.

Студентъ (въ тонъ). Отчего вы такъ грустны, Зоя Николаевна?

Уходятъ. На освѣщенной насыпи пусто. Не торопясь, поднимаются Мацневъ и Нечаевъ.

Мацневъ. Куда это они?

Нечаевъ. Дальше мостъ, Сева, внизу нѣтъ дороги.

Мацневъ. Ахъ, да, я знаю. Какъ тутъ красиво наверху. Покуримъ.

Нечаевъ. Покуримъ. Всеволодъ, тебѣ хочется съ ними итти?

Мацневъ. Нѣтъ, а тебѣ?

Нечаевъ. Мнѣ тоже. Посидимъ здѣсь. Вотъ на шпалы сядемъ. Тебѣ удобно?

Мацневъ. Удобно. Дай спичку.

Нечаевъ. На.—И дышишь—и будто не дышишь. Какъ странно!—И какая тишина!—Вонъ семафоръ.

Мацневъ. Да.—Тишина.—Въ лунномъ свѣтѣ есть томительная неподвижность...

Б. Д. Григорьевъ.

Флоренція. Ponte Vecchio.

Нечаевъ. Но и красота!

Мацневъ. Красота и томительная неподвижность. Солнце не то: тамъ всегда что то бѣжитъ, струится, а здѣсь все остановилось. При солнцѣ я всегда знаю, сколько мнѣ лѣтъ—при лунѣ... дай еще спичку, потухла—при лунѣ я словно не имѣю возраста, жилъ всегда, и всегда было то же.

Нечаевъ. Это вѣрно. И разговаривать при лунѣ можно только о томъ, что было всегда—правда, Сева?

Мацневъ. И будетъ—правда! Послушай, Корнѣй,—тебѣ, можетъ быть, хотѣлось бы къ тѣмъ? Ты скажи прямо.

Нечаевъ. Ты все еще мнѣ не вѣришь?—Постой, кто-то возвращается.

Мацневъ. Это Надя. Чего ей надо?

Показывается Надя, издали кричитъ:

— Господа, что же вы отстали? Сева! Всѣ ждутъ васъ. Корнѣй Ивановичъ! Вы пѣть обѣщали, а Василь Василичъ всю гитару разстроилъ.

Нечаевъ. Отнимите у него! Я потомъ спою.

Надя. Когда же потомъ?

Мацневъ. Скажи, Надечка, что мы здѣсь посидимъ, васъ подождемъ. Идите.

Надя. Господи, какъ это скучно! Пошли вмѣстѣ, а теперь... Сева, пойди ко мнѣ на минутку.

Мацневъ. Что тамъ?

Надя. Нужно. Неужели тебѣ такъ трудно подняться?

Мацневъ (поднимаясь и подходя къ Надѣ, ворчитъ). Глупости какія нибудь. Ну, что?

Надя (тихо). Севочка, отчего ты такой мрачный сегодня? Всѣ замѣчаютъ.

Мацневъ. Кто всѣ?

Надя (не сразу). Зоя. Отчего ты не хочешь съ нами итти, о тебѣ всѣ спрашиваютъ.

Мацневъ. Такъ, Надя, оставь. Идите себѣ.

Надя. И Корнѣй Иванычъ сегодня такой странный... Вы не поссорились съ нимъ?

Мацневъ. Наоборотъ.

Надя (значительно). Да не изъ-за чего и ссориться! Ну, напрасно не идешь!.. (Кричитъ). Такъ мы скоро назадъ, Корнѣй Иванычъ, вы насъ же подождите!

Быстро уходитъ. Слышенъ ея голосъ: Зоя,—Зоечка... Мацневъ садится на прежнее мѣсто на шпалы.

Нечаевъ. Славная у тебя сестра.

Мацневъ. Дѣвчонка еще, пустая. Она, по-моему, слишкомъ рано кончила гимназію, но учится хорошо, ничего не сдѣлаешь. Совсѣмъ еще дѣвчонка. Это не то, что Зоя—Зоя человѣкъ.

Нечаевъ. Да, Зоя человѣкъ. Всеволодъ! но неужели ты все еще не вѣришь мнѣ?

Мацневъ (помолчавъ). Не знаю, Иванычъ. Нѣтъ, теперь, кажется, вѣрю. Но тогда, послѣ Пасхи, когда я уѣхалъ въ Москву...

Нечаевъ. Я держалъ себя отвратительно! Ну?

Мацневъ. До твоихъ еще писемъ я рѣшилъ внутренне совсѣмъ порвать съ тобой.

Нечаевъ. Неужели рѣшилъ, Всеволодъ? Да, да, конечно, ты иначе не могъ, ты былъ правъ. Но теперь?

Мацневъ. Скажи, Иванычъ, я не понимаю: ты серьезно любишь ее?

Нечаевъ. Ахъ, не въ этомъ дѣло, Всеволодъ! Не въ томъ дѣло, голубчикъ, серьезно или несерьезно. Если хочешь, я иначе любить даже не умѣю, какъ только всей душой... какой иначе смыслъ въ любви? Иначе мерзость, развратъ!

Мацневъ. Конечно.

Нечаевъ. Ну, да! Но не въ томъ дѣло, голубчикъ! Ты Христа ради не подумай, что я такъ... повернулся весь—отъ неудачъ въ любви. Что за чортъ,—это было бы совсѣмъ отвратительно, гнусно и мерзко. Скажемъ просто: вѣдь ты самъ рѣшительно и при всякихъ условіяхъ отказываешься отъ нея?

Мацневъ. Да. (Вздыхаетъ). Но въ этомъ нѣтъ заслуги, Иванычъ.

Нечаевъ. Нѣтъ, это ты ужъ оставь! Заслуги! А я былъ просто глупъ, я былъ мелоченъ, я просто былъ скотина, какихъ полонъ свѣтъ. Именно: скотина! Когда ты уѣхалъ, не простившись со мною, я, братъ, вѣрить этому не хотѣлъ, я руки себѣ ломалъ, я готовъ былъ головой биться о стѣну. Честное слово! Подумай: великое, святое, единственное въ жизни — нашу дружбу — я готовъ былъ промѣнять, скотина — и на что же? На что, я спрашиваю? На прогулки въ саду! На пожатіе ручекъ, на вздорную, призрачную, лживую женскую любовь! Да за тысячу женщинъ, хотя бы всѣхъ ихъ любилъ, какъ Зою, я не отдамъ часа, который мы съ тобой!—ты вѣришь?

Мацневъ. Вѣрю, Иванычъ.

Нечаевъ. Спасибо.

Оба вздохнули, молчатъ.

Нечаевъ. Что за чортъ: гляжу кругомъ и ничего не узнаю! Мнѣ все кажется, что сейчасъ война и мы въ какой нибудь Манчжуріи... сидимъ себѣ и разговариваемъ. Нѣтъ, хорошъ лунный свѣтъ, Сева, отъ него душа становится чище! Всеволодъ, а скажи мнѣ, я все не рѣшался тебя спрашивать объ этомъ: ты все такъ же думаешь о смерти? Ты очень печаленъ, голубчикъ.

Мацневъ. Все такъ же, Корнѣй. (Вздыхаетъ).

Нечаевъ. И?..

Мацневъ. Я рѣшилъ умереть. Скоро. Не спрашивай, Иванычъ.

Молчаніе. Нечаевъ встаетъ и снова быстро садится.

Мацневъ. Ты что, Иванычъ?

Нечаевъ. Ничего.—Плохо, Всеволодъ. Очень, очень плохо!

Мацневъ. Ну?

Нечаевъ. Очень плохо! И это—дружба! И это—одна душа! Смѣшно, Всеволодъ, честное слово, смѣшно! Что же ты думаешь—что я останусь жить безъ тебя? Смѣшно! Буду гулять въ саду? Пожимать ручки прекраснымъ дѣвицамъ? Носить цвѣты на твою... скажемъ просто: могилу? Ахъ, Мацневъ, Мацневъ!

М. В. Добужинскій. *Въ усадьбѣ.*

Мацневъ. Но послушай, Корнѣй!

Нечаевъ. Ты, можетъ быть, думаешь, что мнѣ очень нужна эта луна? Вся эта красота? Какая трогательная картина: офицеръ Нечаевъ гуляетъ при лунномъ свѣтѣ съ прекрасной Зоей! Да къ чорту ее,—разъ такъ, то вотъ что я тебѣ скажу! Къ чорту! Ну да, я твердилъ и теперь твержу: на зарѣ туманной юности...

Мацневъ. Всей душой любилъ я милую... Хорошія слова.

Нечаевъ. Всей душой любилъ я милую... Ну, да, всей душой, а какъ же? Но развѣ это я про женщину говорилъ? Извини, но ты оскорбилъ меня, когда подумалъ, что это относится къ Зоѣ, къ какой-то дѣвчонкѣ, которая сегодня любитъ одного, завтра другого. Эти слова я принесъ тебѣ, нашей съ тобой юности, нашей дружбѣ, а не какой-то Зоѣ!

Мацневъ. Ты прости меня, Иванычъ, но какъ тогда я могъ думать иначе? Самъ посуди!

Нечаевъ. Сужу, и ну, конечно, ты былъ правъ тогда. А теперь? — Нѣтъ, постой, не говори. А теперь... я не спрашиваю тебя, когда ты рѣшилъ покончить съ собой, сегодня, завтра, черезъ недѣлю, но если ты осмѣлишься умереть одинъ, безъ меня, то я не знаю что! Я пощечинъ себѣ надаю, и все таки убью себя, но съ презрѣніемъ къ себѣ, ко всему міру—къ тебѣ, Всеволодъ, который только говорилъ о дружбѣ! Молчи, молчи! Какая луна красивая, чортъ ее...

Молчаніе. Нечаевъ громко, трубнымъ звукомъ, сморкается и говоритъ дѣловымъ и даже сухимъ тономъ.

Нечаевъ. Наши не идутъ, загуллялись. Хоть бы облачко одно: дѣйствительно, какая неподвижность! Но скажи, Всеволодъ, что, собственно, заставило тебя рѣшиться?

Мацневъ. Я уже говорилъ тебѣ: тоска. Невыносимая, немыслимая, день ото дня растущая тоска... что-то ужасное, Иванычъ. Понимаешь: я молодъ, я совершенно здоровъ, у меня ничего не болитъ, но я не понимаю, зачѣмъ все это... и не могу жить! Зачѣмъ эта луна? Зачѣмъ все такъ красиво, когда мы все равно умремъ? Я встаю утромъ и спрашиваю себя: зачѣмъ я всталъ? Я ложусь и спрашиваю себя: зачѣмъ я легъ? А ночью — какіе-то дикіе кошмары. Ужасно! И ни на что нѣтъ отвѣта, ни на одинъ самый маленькій вопросъ. Подумай: вотъ я кончу курсъ и стану адвокатомъ, журналистомъ...

Нечаевъ. Ты могъ бы быть знаменитымъ адвокатомъ, Плевакой!

Мацневъ. Ну, хорошо, ну, стану я знаменитымъ адвокатомъ, а дальше что? Потомъ женюсь, какъ отецъ, и буду имѣть собственнаго Всеволода, а дальше что? Безсмыслица, отвращеніе!—бѣлка въ колесѣ. И чѣмъ красивѣе вокругъ, тѣмъ невыносимѣе для меня. Въ сѣрые осенніе дни я еще спокоенъ, тогда мнѣ кажется, что я почти умеръ уже, но вотъ теперь!.. Какъ мнѣ схватить и удержать всю эту красоту? Я ее зову, а она молчитъ! Я къ ней протягиваю руки — и въ нихъ пусто... а тамъ что-то идетъ, что-то свершается... Нѣтъ, ужасная красота! И все обманъ, и все обманъ! Ты говоришь: Зоя — да развѣ это не обманъ, развѣ это не та же все—моя мама, твоя, всякая мама, всякая бабушка. Зоя—бабушка! (Смѣется). Ты можешь представить это, Корнѣй?

Нечаевъ (помолчавъ). Могу. Ты извини меня, Всеволодъ, если я не все пойму въ твоихъ словахъ: ты знаешь, я человѣкъ малоразвитой, почти не читаю, и всѣ эти вопросы... Но ты правъ.

Мацневъ. Уже почти годъ это у меня. И сколько я перечиталъ за это время, Корнѣй, все искалъ отвѣта... (Смѣется). Отвѣта! Отвѣта захотѣлъ дуракъ у моря!

Нечаевъ. И нѣтъ отвѣта?

Мацневъ. Слишкомъ много.

Нечаевъ (разсудительно). Слишкомъ много—значитъ ничего. Я такъ и думалъ. Все это прекрасно, объ этомъ ты мнѣ еще разскажешь, но какъ ты, Всеволодъ, рѣшилъ вопросъ о родителяхъ? Это вопросъ, братъ—прости меня—серьезный. У меня родителей нѣтъ, я подкидышъ, по фамиліи Нечаевъ, что должно было обозначать нечаянную радость—но ты? Тутъ надо подумать и подумать, какъ говорится.

Молчаніе.

Мацневъ. Если хочешь, то по настоящему о своихъ я не думалъ, да и думать не хочу. Зачѣмъ? Что такое родители, отецъ, мать, когда все безсмыслица, когда нѣтъ ничего! Значитъ, такъ нужно, чтобы я умеръ, а они страдали.

Нечаевъ. Жестоко это, Сева, слишкомъ жестоко!

Мацневъ. Жестоко? А если бы я умеръ отъ чахотки или отъ тифа, вѣдь я всегда могу умереть отъ какого нибудь тифа—тогда не жестоко? Оставь, Корнѣй! И почему то, что можетъ сдѣлать со мной любая бацилла,—того я самъ не смѣю сдѣлать съ собой? И у нихъ есть Надя, Васька, славный мальчишка... и оставимъ ихъ! Я о тебѣ, Корнѣй, чудакъ ты, мой милый, ты-то зачѣмъ со мной покончишь? Это, братъ, уже форменная безсмыслица.

Нечаевъ. Ты это серьезно?

Мацневъ. Но подумай самъ, Иванычъ...

Нечаевъ. Тогда и я серьезно. Погоди, не сбивай—мнѣ трудно. Конечно, я человѣкъ малоразвитой, армейскій офицеръ, недоучка, и во всѣ эти твои тонкости войти не могу, нѣтъ. Смыслъ, бытіе-небытіе, зачѣмъ и къ чему,—къ этому, извини меня, я равнодушенъ. То есть не то, чтобы совсѣмъ равнодушенъ, а вродѣ этого: не понимаю. Но зато у меня есть свои основанія—понимаешь: свои основанія. Очень, конечно, возможно, что безъ тебя я бы никогда не собрался въ эту дорогу, но только потому, что—слабъ характеромъ и дрянь! Вотъ. Покуримъ?—Луна-то какъ взлѣзла.—Да. Поставимъ вопросъ просто: какъ ты думаешь, могу я стать Наполеономъ—я тоже офицеръ, какъ и онъ былъ?

Мацневъ (хмуро). Пустяки это, Иванычъ.

Нечаевъ. Нѣтъ, братъ, не пустяки. Конечно, я такъ выражаюсь, но дѣло тутъ серьезнѣйшее, братъ. Всякій человѣкъ имѣетъ право быть Наполеономъ, а если онъ не вышелъ, то къ чортовой матери все! Вотъ. Конечно, я не честолюбивъ, но развѣ это хорошо? Это-то и есть главная моя подлость, это значитъ, что и всю жизнь я могу остаться тѣмъ же офицеришкой и не подвинуться ни взадъ, ни впередъ. Помнишь, какъ я собирался готовиться въ Академію, пѣтушился... а что

вышло? И какъ я живу?—совѣстно подумать, въ темнотѣ краснѣешь: точно и не живу, а сплю. Вотъ ты пріѣхалъ, и я съ тобой проснулся, а уѣдешь ты или... И кому я нуженъ такой? Ну, конечно, не украду я тамъ или не предамъ, ну и добръ я до глупости—но развѣ это настоящее? Нѣтъ: та же безхарактерность, собачье виляніе хвостомъ. Ничтоженъ я, Всеволодъ, ужасающе ничтоженъ! Стыдно подумать!

Мацневъ. Не унижай себя, Иванычъ, не надо.

Нечаевъ. Я и не унижаю себя, а надо же говорить правду. И еще скажу тебѣ самое позорное, о чемъ даже тебѣ говорить неловко: ужасно, братъ, я некрасивъ! Другого хоть форма скрашиваетъ, а какъ погляжу я на себя въ зеркало со всѣми этими ментиками-позументиками: фу, думаю, какой оселъ! Нынѣшней зимой, когда ты былъ въ Москвѣ, знаешь о чемъ я размечтался? Не смѣйся—о монастырѣ.

Мацневъ. Ну, что ты? Какой еще монастырь! Ты шутишь?

Нечаевъ. Нѣтъ, голубчикъ. Но только посмотрѣлъ опять въ зеркало—и успокоился, да развѣ съ такой физіономіей угодники бываютъ? И не въ томъ, конечно, дѣло, что рожа,—а вѣдь чего я хотѣлъ отъ монастыря? Спрятаться и только, безъ боя сдать позиціи. И все это гнусно до послѣдней степени, и вотъ тебѣ мои основанія. Кому я нуженъ такой? Кто обо мнѣ заплачетъ? И луна эта, и вся эта красота, и тамъ далеко чьи-то прекрасные глаза смотрятъ въ другіе прекрасные глаза... но при чемъ я здѣсь? Ничтоженъ я, Всеволодъ, ужасающе, до боли ничтоженъ.

Молчаніе.

Нечаевъ. Такъ какъ же, Всеволодъ, принимаешь въ компанію?

Молчаніе.

Мацневъ. Нѣтъ, Иванычъ, пустяки. Какія это основанія? Такому честнѣйшему человѣку, какъ ты...

Нечаевъ. Да къ чорту, наконецъ, мою честность! Вѣдь это, наконецъ, оскорбительно: тыкать въ носъ честностью.

Мацневъ. Обижайся или нѣтъ, а я говорю, что такому честнѣйшему человѣку, какъ ты, вовсе не надо быть Наполеономъ, чтобы имѣть право на жизнь, на уваженіе и любовь. Пустяки, Иванычъ. Ты просто хочешь принести нѣкоторую жертву, а чтобы мнѣ не было трудно, ты вотъ и придумываешь разныя...

Нечаевъ. Жертва? Допустимъ. Пусть это будетъ только жертва и больше ничего. Конечно, чего стоятъ мои Нечаевскія основанія съ точки зрѣнія бытія-небытія? Вздоръ, простая блажь! Допустимъ. Но какъ ты, человѣкъ умный и благородный, не понимаешь самъ, сколько надменности и презрѣнія, какая проповѣдь неравенства въ такомъ твоемъ отношеніи? Какъ ты, человѣкъ умный, не понимаешь, что жертва моя—есть мое единственное богатство, моя единственная красота, гдѣ я не уступлю никому въ мірѣ! Этой минутой единой я всю жизнь мою украшу, этой минутой я вѣчности достигну! И кому эта жертва? Тебѣ? Глупо, братъ—извини, но очень глупо! Не тебѣ, а дружбѣ! Вотъ кому—дружбѣ!

Мацневъ (потирая лобъ). Да, одна душа—одна душа!

Нечаевъ. Одна ли душа, двѣ ли—не въ этомъ дѣло. Но въ томъ дѣло, что былъ человѣкъ, который для святой человѣческой дружбы не пожалѣлъ своей жизнишки поганой! Но былъ человѣкъ, который всталъ вотъ такъ передъ всѣмъ міромъ (встаетъ) и громко сказалъ: ничего не жалѣю для друга! Не богатству, Сева, не славѣ земной, не дрянной любовишкѣ женской,—дружбѣ, Сева, дружбѣ, дружбѣ...

Садится и тихо плачетъ.

Мацневъ (обнимая его). Корпѣй, милый ты...

Нечаевъ. Нѣтъ, ты скажи!..

Мацневъ. Ну, конечно, вмѣстѣ! Иванычъ, братъ ты мой родной!..

Нечаевъ (не поднимая головы). Не братъ, а другъ. Братъ убилъ брата, а другъ умретъ вмѣстѣ съ другомъ. Всеволодъ—какъ прекрасна жизнь!

Мацневъ. Прекрасна, Иванычъ! Такъ прекрасна, что!..

Молча сидятъ, обнявшись. Нечаевъ легко вздыхаетъ, громко сморкается и встаетъ.

Нечаевъ. Стопъ. Сейчасъ наши придутъ.—Сева, я сегодня пѣть буду!

Мацневъ. Пой!

Нечаевъ. На зарѣ туманной юности всей душой любилъ я милую. — Ахъ, Господи, до чего невыразимо хороша жизнь. Ну—стопъ! Еще одно слово: Всеволодъ, давай кончимъ на этомъ мѣстѣ въ воспоминаніе вечера сегодняшняго... Ты не сердись на сантименты, но тебѣ вѣдь все равно...

Мацневъ. Нѣтъ, не все равно. Давай здѣсь!

Нечаевъ. И еще: револьверъ или поѣздъ? Револьверъ—одинъ можетъ случайно остаться, а потомъ надо повторять. Поѣздъ, конечно, страшнѣе, но я думаю, что это неважно — неважно, Сева. А луна-то дура смотритъ и ничего не понимаетъ. Но красиво, все красиво, правда, Сева? Вотъ мы на шпалахъ сидѣли—старыя шпалы, а тоже поѣзда по нимъ ходили... Совсѣмъ заболтался я, не слушай. Но только мы свяжемся.—Наши идутъ!

Очень далеко голоса и треньканье гитары.

Нечаевъ. Да, идутъ. И Зоя идетъ—какъ смѣшно: Зоя!

Мацневъ. Зачѣмъ связываться, Иванычъ, можно просто взяться за руки.

Нечаевъ. Разбросаетъ—невозможно! Разбросаетъ! Эта штука, братъ, какъ хватитъ! Нѣтъ, такъ вѣрнѣе и ближе. Но это потомъ, потомъ, Сева!..

Мацневъ. Что, Корешокъ?

Нечаевъ. Такъ, болтаю. Ты меня не слушай.—Ишь, какъ весело идутъ. Если бы сегодня я былъ въ лагеряхъ, я напился бы, честное слово!

Мацневъ. А вотъ это зря.

Нечаевъ. И самъ знаю, что зря, а все таки напился бы. И Горбачеву далъ бы по рожѣ.—Давно ищу подходящаго случая.

Мацневъ. Что это за Горбачевъ—я не знаю его?

Нечаевъ. Ты не знаешь. Такъ, дрянь одна. Ну его къ чорту, подождетъ, если хочетъ. (Встаетъ на рельсы и кричитъ.) Компанія! Ого-го!

Кто-то изъ идущихъ на мотивъ тирольскаго рожка отзывается: а-у! Нечаевъ повторяетъ громко: а-у-у! Постепенно всѣ выходятъ съ лѣвой стороны. Говоръ.

Студентъ. А насъ по мосту не пустили.

Гимназистъ. Я говорилъ, что сторожъ не пуститъ.

Кореневъ. А я говорю, что тутъ ходилъ. Не пустилъ оттого, что много народу. Еще бы, если ты будешь выть: царицей мі-і-ррр...

Катя (садясь на откосъ). Хоть на рукахъ меня несите, дальше я не пойду. Столярова, плюхайся, матушка, тутъ такъ принято. Какой песокъ-то теплый, попробуй рукой. А?

Столярова. Да, совсѣмъ теплый!

Около нихъ устраиваются на откосѣ Котельниковъ и Василій Васильевичъ.

Надя. Не соскучились безъ насъ?

Нечаевъ. Стосковался до послѣдней степени, едва дожилъ. Садитесь.

Надя. Да и то, ноги не держатъ.

Гимназистъ. Надо было низомъ итти.

Кореневъ. Вотъ оселъ! Тебѣ же говорятъ, что тамъ нѣтъ проходу!

Студентъ. А что же вы не присядете, Зоя Николаевна?

Надя. Зоя, иди рядышкомъ. Садись.

Зоя. Тутъ негдѣ.

Мацневъ (хочетъ встать). Вотъ мѣсто.

Зоя. Нѣтъ, сидите, сидите, пожалуйста, я устроилась. (Садится между нимъ и Надей).

Котельниковъ. Нечаевъ, отнимите у Василь Василича вашу гитару, онъ съ ума всѣхъ свелъ. Василь Василичъ, да перестаньте, Христа ради!

Нечаевъ и студентъ стоятъ передъ Зоей; оба гимназиста стоятъ на полотнѣ.

Зоя. Вы отчего не пошли съ нами? Было такъ красиво.

Нечаевъ. Да и здѣсь хорошо.

Надя. Корнѣй Иванычъ, я загадала, сколько мнѣ прожить еще—знаете, сколько вышло? Еще сто двадцать!

Катя (издали кричитъ). А мнѣ всего-то три годочка—на четвертомъ такъ съ рельсы и сверзилась!

Студентъ. Но Зоя Николаевна сегодня въ очень грустномъ настроеніи.

Зоя (сухо). Вамъ показалось. Всеволодъ Николаевичъ, куда же вы? Я васъ тѣсню?

Мацневъ. Нѣтъ, я такъ. Засидѣлся.

Зоя. Посидите съ нами!

Мацневъ, не отвѣчая, какъ будто не слыхалъ, отходитъ въ сторону, нѣкоторое время стоитъ одинъ, потомъ одинъ же садится на откосѣ. Студентъ отходитъ къ тѣмъ, гдѣ Катя.

Кореневъ (кричитъ). Надя! А мы послѣзавтра всѣ на дачу!

Надя. И дядя?

Кореневъ. Онъ будетъ пріѣзжать на праздники. Пріѣзжайте съ Севой.

Зоя (Нечаеву). У васъ сегодня необыкновенное лицо... Отчего вы молчите и смотрите на меня? Теперь васъ не видно. Вы молчите?

Нечаевъ. Это луна-съ. Луна строитъ миражи и рожи.

Зоя. А какая я?

Нечаевъ. Вы? (Помолчавъ). Вы—миражъ. Сейчасъ вы есть, васъ дѣлаетъ луна, а когда запоютъ пѣтухи, вы разсыпетесь.

Зоя. Все разсыпется, когда запоютъ пѣтухи.

Нечаевъ. Нѣтъ,—не все!

Гимназистъ (Кореневу). А ты можешь подпустить поѣздъ на три шага и только тогда отскочить?

Кореневъ. Могу. Сдѣлаемъ?

Катя. А если вы раздумаете, я вамъ уши надеру!

Гимназистъ. Какая строгость!

Катя. А вотъ и строгость. Надечка, ты поѣзда боишься?

Надя. Нѣтъ, чего его бояться. А ты?

Катя. Ужасно, моченьки моей нѣтъ. Василь Василичъ, зачѣмъ вы мучаете бѣдное животное? Смѣхота!

Василій Васильевичъ. Виноватъ, я не понялъ.

Катя. Гитару.

Смѣхъ и разговоръ.

Надя. Зоечка, можно мнѣ поспать у тебя на колѣняхъ? (Кладетъ голову ей на колѣни).

Зоя. Поспи, дружочекъ.—Да, мнѣ грустно, вы правы.—Корнѣй Иванычъ, я не хотѣла говорить этому навязчивому господину, но вамъ могу сказать. Сегодня утромъ, когда я сидѣла у себя въ саду, я услышала сзади голосъ: Зоя. Оглянулась—и нѣтъ никого. Но весь день мнѣ чудится этотъ незнакомый и странный голосъ, иду, а сзади все время кто-то зоветъ: Зоя.

Нечаевъ. Печальный голосъ?

Зоя. Нѣтъ, совсѣмъ простой. И я не знаю отчего, но все во мнѣ такъ волнуется. Почему все такъ красиво? Вотъ я смотрю на луну—почему она такая красивая и такая страшная? Нѣтъ, не страшная, но, вѣроятно, я скоро умру.

Надя (не поднимая головы). Зойка, не говори глупостей.

Нечаевъ. Зоя Николаевна, послушайте: вотъ еще одинъ человѣкъ, который говоритъ—зачѣмъ эта луна?

Надя (такъ же). Глупый человѣкъ.

Зоя. Постой, Надечка. Кто такъ говоритъ, вы или другой?

Нечаевъ. Другой, но я былъ почти согласенъ съ нимъ. А теперь смотрю я на васъ и думаю: можетъ быть, луна нужна только затѣмъ, чтобы вотъ освѣщать ваши глаза и чтобы они—вотъ такъ—блестѣли. Зоя Николаевна, вы знаете: я сегодня безумно, безсовѣстно счастливый человѣкъ!

Зоя. Да?

Нечаевъ. Да. Сегодня я, словно какой нибудь древній царь, которому принадлежитъ вся земля. Смотрите, сегодня все мое: и луна эта... и ваши глаза...

Надя (соннымъ голосомъ). Онъ совсѣмъ съ ума сошелъ!

Нечаевъ. Тамъ, далеко, въ невѣдомой странѣ чьи-то прекрасные глаза смотрятъ въ другіе прекрасные глаза—и это все мое! И никто не отниметъ у

Н. Н. Дубовской. *Черное море.*

меня моего царства — сама смерть не смѣетъ коснуться моей короны! Вотъ. Важно, а?

Катя (кричитъ). Корнѣй Иванычъ, что же это, голубчикъ, смѣетесь вы надъ нами? Обѣщалъ всю дорогу пѣть, а хоть бы кошка замяукала! Знала бъ это, лучше бы дома спала, чѣмъ по ночамъ шататься.

Кореневъ. А Василь Василичъ пѣлъ—это не кошка?

Гимназистъ. Это не котъ наплакалъ?

Нечаевъ. Я готовъ, Катенька. Что прикажете?

Котельниковъ. Отдайте гитару, Василь Василичъ.

Василій Васильевичъ. Нате.

Катя. Что же мнѣ вамъ приказать? (Поднимается). Ой, ногу отсидѣла! Ой, голубчики, помираю! Столярова, держи меня! Пойте, что хотите... ой, ой, колетъ!.. Андалузскую ночь... ой! Нѣтъ, отходитъ.

Нечаевъ. Слушаю-съ. Все, что прикажете.

Настраиваетъ гитару, переданную ему Котельниковымъ. Всѣ собрались около, кромѣ Мацнева.

Зоя. Надечка,—заснула? Пусти, дѣвочка. Корнѣй Иванычъ, садитесь на мое мѣсто.

Надя. Заснула. Фухъ—какая луна!

Нечаевъ (садится и чувствительно поетъ). Андалузская ночь хороша, хороша... Вѣтеръ зноенъ и полонъ безсилья...

Кончилъ. Молчаніе.

Катя. Господи!—а какъ хорошо въ Андалузіи! Испанчики, испаночки, и глазки у всѣхъ черненькіе. И луна тамъ какая, не нашей чета. Что у насъ за луна: разъ всего въ мѣсяцъ, и разгуляться-то некогда!

Котельниковъ. Космографія!

Катя. Не въ космографіи дѣло, эхъ, идолы вы каменные! Голубчики, а что-то и мнѣ захотѣлось попѣть. Иванъ Алексѣичъ, давайте-ка грянемъ: ночи безумныя,—гдѣ наша не пропадала!

Котельниковъ. Давайте.—Корнѣй Иванычъ, помогайте.

Подъ аккомпаниментъ Нечаева тихо спѣваются.

Надя. Зоечка, а гдѣ же Сева?

Зоя. Онъ все одинъ, Надя. Вонъ онъ. Ты бы прошла къ нему.

Гимназистъ. На мосту звонили, сейчасъ поѣздъ пойдетъ!

Катя. Охъ, батюшки, а успѣемъ?

Нечаевъ. Успѣемъ.

Катя. Нѣтъ, я ужъ лучше тутъ стану, а то запоешься, да и не замѣтишь, какъ голову оттяпало. Ну?

Поютъ «Ночи безумныя». Въ серединѣ пѣнія начинаетъ, въ перерывы, слышаться гулъ подходящаго поѣзда, далекій свистокъ.

Катя (поетъ). ...Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго.—Кореневъ, сходите съ полотна! Я вамъ!..—Вкрадчивымъ шопотомъ вы заглушаете звуки дневные, несносные, шумные...

Надя подходитъ къ Всеволоду, что-то говоритъ, но тотъ не отвѣчаетъ; Надя осторожно заглядываетъ въ опущенное лицо и возвращается къ Зоѣ.

Катя и Котельниковъ (поютъ). ...Ночи безсонныя, но-о-чи безу-у-мныя.

Кончили. Сильнѣе гулъ поѣзда. Свистокъ.

Надя (съ испугомъ). Зоечка, кажется, Сева плачетъ. Пойди къ нему.

Зоя. Да что ты!

Надя. Я боюсь. Пойди къ нему. Что съ нимъ?

Идутъ къ Всеволоду.

Гимназистъ. Господа, съ полотна! Идетъ!

Катя. Сами уходите!

Кореневъ. Пассажирскій, три фонаря! Скорѣе!

Надя (подойдя). Всеволодъ! Севочка!

Зоя (наклонясь). Дорогой... Всеволодъ Николаевичъ, что съ вами? Голубчикъ, голубчикъ, Всеволодъ Николаевичъ!

Молчаніе.

Мацневъ (какъ бы отталкивая ее рукой). Оставьте меня! Оставьте.

Грохотъ поѣзда заглушаетъ всѣ разговоры; на рельсы ложится желтоватый свѣтъ фонарей.

Занавѣсъ.

РОКЪ

За днями дни... И каждый день все то же.—
Въ грязи... въ снѣгу... подъ ревомъ непогодъ...
Безъ сна... безъ смѣны... вѣчно на сторожѣ...
Забывши времени обычный счетъ...

Ложась подъ ножъ на роковое ложе,
Безстрашно смерть встрѣчая въ свой чередъ...
Великій подвигъ совершаетъ, Боже,
Смиренный Твой, незлобивый народъ!

Безъ хитрости, корысти, самомнѣнья,
О завтрашнемъ не помышляя днѣ,
Твое онъ исполняетъ повелѣнье,

Не вѣдая, въ губительномъ огнѣ,
Что міру онъ несетъ освобожденье
И смерть войнѣ.

1915 г. Янв. 20. А. Купринъ.

ИЗЪ ОДНОГО ПИСЬМА

Народъ ищетъ вѣры, ожидаетъ спасенія,—такъ ужъ все скверно стало кругомъ, такъ тяжело всѣмъ стало дышать... Скажите этому народу, этой толпѣ ученыхъ и безграмотныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, чиновныхъ и простыхъ, скажите этой человѣконенавистничающей толпѣ, что всѣ они люди—братья, что каждый изъ нихъ, раньше чѣмъ онъ сталъ передъ вами, родился маленькимъ, слабымъ, безпомощнымъ, и такимъ же слабымъ, безпомощнымъ, жалкимъ сойдетъ въ могилу.

Скажите имъ, что люди должны жалѣть другъ друга и, жалѣя, помогать нести крестъ жизни, потому что всѣ они, начиная съ самаго властнаго, самаго богатаго, самаго красиваго, и кончая самымъ ничтожнымъ, самымъ бѣднымъ и уродливымъ,—всѣ они жалки, всѣ не знаютъ, когда придетъ часъ воли Божіей, а счастіе можетъ быть достигнуто только тогда, когда будутъ счастливы всѣ, весь міръ, и когда всѣ будутъ любить другъ друга, какъ братья...

И еще скажите тѣмъ, кто строитъ тюрьмы и обольщается несбыточной иллюзіей переловить и посадить въ нихъ всѣхъ преступниковъ, что тогда придется всю вселенную превратить въ тюрьму, потому что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ преступникъ, но онъ побораетъ и уничтожаетъ его въ себѣ силою доброй воли, силою разума, знанія, а больше всего—силою любви къ людямъ...

К. Баранцевичъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ГЛ. ИВ. УСПЕНСКАГО

Въ 1880 году Успенскіе жили въ Петербургѣ на Забалканскомъ проспектѣ, въ домѣ Сивкова.

Стоитъ отмѣтить эпизодъ въ жизни Глѣба Ивановича, связанный съ этимъ домомъ.

— Изумительный домъ!—аттестовалъ его Успенскій.—Представьте: за квартиру денегъ не спрашиваютъ!.. При наймѣ я уплатилъ впередъ... Прошелъ мѣсяцъ. Дворникъ не является за полученіемъ... Какъ-то встрѣтилъ его на дворѣ, спрашиваю: «Вы что же за деньгами не приходите?».—«Помилуйте, говоритъ, не извольте безпокоиться. Намъ не къ спѣху... За вами не пропадутъ»... Довѣріе, признаться, пришлось кстати: нужны были деньжонки!.. Такъ и пошло изъ мѣсяца въ мѣсяцъ... Здѣсь надо просить, умолять, чтобы получили за квартиру... Изумительный домъ!

Въ другой разъ Глѣбъ Ивановичъ говорилъ объ услужливости дворниковъ этого дома.

— Прислуга отъ нихъ въ восторгѣ! А мнѣ... чистая бѣда!.. нельзя на улицѣ показаться съ чѣмъ нибудь въ рукахъ — сейчасъ, откуда ни возьмись, подлетитъ одинъ-другой: «Позвольте, Глѣбъ Ивановичъ, донести!» — «Да нести-то нечего: книга»—говорю... «Все же вещь... тяжесть»... Если поддашься на услужливость, изъ кармана и вылетитъ тридцать копѣекъ, не то полтинникъ...

— А вы не давайте!—совѣтовали Успенскому.—Вы слишкомъ щедро вознаграждаете за пустяки. Они и ждутъ случая содрать съ васъ.

Глѣбъ Ивановичъ покрутилъ свою бородку.

— Извините-съ! «Содрать» имъ и въ голову не приходитъ. Сколько разъ отказывались отъ подачки и уходили съ пустыми руками... Самъ я чувствую себя легче, когда положу въ руку дворника мзду...

Впослѣдствіи оказалось, что «изумительное» свойство дома Сивкова объясняется тѣмъ, что управляющій домомъ—большой поклонникъ Глѣба Ивановича, какъ писателя. Онъ призвалъ дворниковъ и сказалъ имъ:

В. И. Зарубинъ. *Нормандія. Картре.*

— У насъ живетъ знаменитый писатель—Глѣбъ Ивановичъ Успенскій... Всѣ крестьянскія обиды онъ принимаетъ близко къ сердцу... Вы должны считать за честь, что такой человѣкъ снялъ у насъ квартиру... Старайтесь, чтобъ онъ былъ всѣмъ доволенъ!

— А на счетъ квартирныхъ денегъ какъ прикажете? — спросилъ старшій дворникъ.

— Не безпокоить!.. Узнаю, что кто нибудь не уважилъ ему—долой съ мѣста!..

Понятно, что, живя въ этомъ домѣ, Глѣбъ Ивановичъ платилъ за квартиру, когда хотѣлъ, и не зналъ непріятностей отъ полицейскаго любопытства, хотя въ тотъ годъ были частые обыски и аресты, и квартиру его посѣщали многіе революціонеры.

Однажды Успенскій поѣхалъ въ Москву и въ дорогѣ потерялъ свой паспортъ. По возвращеніи, надо было представить документъ въ прописку, а его нѣтъ:

— Привлекутъ за безписьменность!—волновался Глѣбъ Ивановичъ. Онъ сталъ хлопотать о полученіи новаго паспорта при содѣйствіи С. В. Максимова, сотрудника «Отечественныхъ Записокъ», бывшаго въ то время редакторомъ «Полицейскихъ Вѣдомостей». Дѣло пошло своимъ порядкомъ. Успенскій получилъ изъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера удостовѣреніе объ утерѣ паспорта, гдѣ категорически заявлялось: «Сіе удостовѣреніе ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить видомъ на жительство». Когда онъ передалъ этотъ документъ старшему дворнику, тотъ возвратилъ его съ обычной паспортной пропиской.

— Какъ же такъ!—изумился Глѣбъ Ивановичъ.

— Все въ порядкѣ-съ! Не извольте безпокоиться!—доложилъ дворникъ.

Успенскаго долго занимало это странное сочетаніе паспортной прописки съ положительной оговоркой: «Сіе удостовѣреніе ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить видомъ на жительство», и онъ многимъ показывалъ этотъ документъ.

— У васъ хорошо фальшивые паспорта прописывать: разглядывать не станутъ!—шутили друзья Глѣба Ивановича изъ «нелегальныхъ» людей.

«Изумительный» домъ, въ концѣ концовъ, причинилъ Успенскому немало тревогъ. Квартирныя деньги не уплачивались въ срокъ, и жилецъ обращался въ должника. Между тѣмъ, квартира оказалась неудобной; къ переѣзду на дачу отъ нея слѣдовало отказаться и осенью занять новую. Семейство Глѣба Ивановича переселилось въ Чудово; а самъ онъ остался въ городѣ и очень тяготился своимъ положеніемъ.

— Почему вы живете въ городѣ, не откажетесь отъ квартиры и не переѣдете въ деревню? — спрашивали Успенскаго люди, не посвященные въ тайну «чудеснаго» дома.

— Живу здѣсь, чтобы за квартиру не платить.

— За какую квартиру? Вѣдь въ Чудовѣ у васъ свой домъ.

— Вотъ за эту квартиру, гдѣ мы сидимъ... Пока живу здѣсь, могу не платить... А вздумаю уѣхать, надо будетъ разсчитаться: 750 рублей задолжалъ.

Долго «мучился» Успенскій въ «заколдованномъ кругу», пока не придумалъ комбинаціи: пойти къ управляющему домомъ и вручить ему расписку на 750 ру-

блей съ предоставленіемъ права получить по частямъ эту сумму изъ «Отечественныхъ Записокъ».

— Пришелъ къ управляющему,—разсказывалъ Глѣбъ Ивановичъ.—Я къ вамъ съ большой жалобой,—говорю.—«На кого-съ?»—встрепенулся онъ.—На васъ, государь мой!.. Что вы со мной сдѣлали, не получая съ меня во-время квартирныхъ денегъ?—И разсказалъ ему, въ какую ловушку я попалъ.—Вотъ, не угодно ли теперь, говорю, пойти со мной на такую сдѣлку?—И подалъ ему свою расписку... Онъ прочелъ и вскочилъ съ мѣста... — «Помилуйте, Глѣбъ Ивановичъ, говоритъ, развѣ я могу такъ поступить? Взять вашу расписку и получать по ней за васъ деньги по частямъ—вѣдь это опозоритъ меня навсегда!.. Пожалуйста, не стѣсняйтесь! Уѣзжайте, куда хотите, а деньги уплатите, когда будутъ лишнія».—Я пожалъ ему руку, но, признаться, безъ чувства благодарности... Я былъ больше доволенъ, когда мѣсяца черезъ два разсчитался съ нимъ до копѣечки...

А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

7 января 1915 года.

СРАЖЕНІЕ СО ЗМѢЕМЪ

Письмо иранскаго богатыря Сама къ шаху Менучехру

Изъ «Шах-наме» Фирдуси *

Письмо въ началѣ славило Творца:
«Онъ былъ, и есть, и нѣтъ Ему конца!»
Добро и зло, и жизнь и разрушенье—
Всему законъ лишь Бога повелѣнье.
Мы всѣ—рабы, Господь лишь Онъ одинъ,
Кто движетъ кругъ небесъ, какъ властелинъ,
Надъ міромъ всѣмъ, Кто звѣздною толпою,
Сатурномъ правитъ, солнцемъ и луною.
Пусть милостиво Онъ покоитъ взглядъ
На Менучехрѣ, что въ бою, какъ ядъ,
Врагамъ губителенъ, а въ праздникъ мирный
Лунѣ подобенъ въ глубинѣ эѳирной.
Ты смѣло рушишь стѣны городовъ,
Но также радость всѣмъ создать готовъ.
Ты знамя Феридуна развѣваешь
И злого тигра ярость укрощаешь;
Громады горъ подъ тяжкой булавой
Твоей, какъ прахъ, что конь вздымаетъ твой.
Ты миръ даешь землѣ, и къ водопою
Спокойно идутъ вмѣстѣ волкъ съ овцою.
Твой вѣрный рабъ несетъ тебѣ привѣтъ.
Меня гнетутъ сто двадцать долгихъ лѣтъ;
Ужъ камфорой главу мою вѣнчали,—
Вѣнецъ тотъ солнце и луна мнѣ дали.
Всю жизнь свою я въ подвигахъ провелъ,
Волшебниковъ зловредныхъ поборолъ;
Сильнѣйшихъ побѣждать, владѣть уздою
Едва ль найду я равнаго съ собою:
Лишь палицей я тяжкой замахалъ,
Бойцовъ Мазендерана пылъ пропалъ.
И если бъ дѣлъ другихъ я не оставилъ,
Меня бъ навѣки бой одинъ прославилъ:

---

* Переводъ исполняется для серіи «Памятники міровой литературы», изд. М. и С. Сабашниковыхъ.

Я змѣя на Кешефъ-рѣкѣ убилъ,
Что землю, словно руку, оголилъ.
Его длина, какъ путь межъ городами,
А ширина—долина межъ горами.
Во всѣхъ людей онъ страхъ такой вселялъ,—
Ни днемъ, ни ночью тамъ никто не спалъ.
Все было пусто: птицы не летали,
Далеко звѣри дикіе бѣжали;
Онъ крылья ястребовъ палилъ огнемъ
И ядомъ землю напоилъ кругомъ;
Убить въ пучинѣ водной крокодила,
Въ выси небесъ орла—была въ немъ сила.
И человѣкъ, и звѣрь бѣжалъ его,—
Все замерло, не видно никого.
Увидѣвши, что некому съ нимъ биться,
Отъ страха я сумѣлъ освободиться;
Увѣренъ въ силѣ, что Господь мнѣ далъ,
Я имя Всемогущаго призвалъ,
Потомъ коня, что со слономъ равнялся,
Я сталъ сѣдлать и къ бою снаряжался:
Бычачью булаву къ сѣдлу поддѣлъ,
Мой лукъ—въ рукѣ, на шеѣ щитъ висѣлъ;
И весь въ пылу я ѣхалъ на дракона,
Ему былъ ядъ, мнѣ ловкость оборона.
И всѣ, кто мнѣ встрѣчался невзначай,
Твердили, какъ одинъ: «Навѣкъ прощай!».
Но вотъ чудовище передо мною
Вдругъ выросло огромною горою:
Тянулись волосы на головѣ,
Какъ толстыя веревки, по землѣ;
Раскрыта, пасть ужасная зіяла,
Какъ черный стволъ, языкъ свой выставляла;
Два кровяныхъ колодца вмѣсто глазъ....
Драконъ меня замѣтилъ тутъ какъ разъ
И съ ревомъ двинулся.—О, шахъ! Казалось,
Огнемъ его утроба наполнялась:
Пылало все въ глазахъ передо мной,
До облаковъ поднялся дымъ густой.
Онъ такъ ревѣлъ, что все кругомъ дрожало,
А пасть его ядъ страшный изрыгала.
Тогда и я крикъ сильный издаю,
Какъ подобаетъ воину въ бою,
И, быстро приложивъ къ тетивѣ лука

Съ желѣзнымъ остріемъ стрѣлу изъ бука,
Спѣшу дракону въ пасть ее вогнать,
Чтобы языкъ недвижно приковать.
Свиститъ стрѣла и пасть пробила съ бока,—
Языкъ его упалъ, задѣтъ жестоко.
За первой вслѣдъ летитъ еще стрѣла:
Онъ скорчился,—такъ боль сильна была;
На третій разъ умѣтилъ я въ средину:
Потокомъ цѣлымъ хлынулъ ядъ въ долину.
Онъ—все впередъ и сталъ меня тѣснить...
Тогда пришлось мнѣ палицу схватить:
Вложивъ свои всѣ силы въ злую сѣчу,
Я разогналъ коня ему навстрѣчу
И въ лобъ ударилъ тяжкой булавой.
Онъ былъ сраженъ, какъ павшею горой:
Весь черепъ булава ему разбила,
Хлестала кровь, какъ будто воды Нила.
Одинъ ударъ,—и больше онъ не всталъ;
Горой въ долинѣ мозгъ его лежалъ;
Какъ желчію текли Кешефа воды...
И міръ вздохнулъ дыханіемъ свободы!
Мужчинъ и женщинъ много на горахъ
Явилось тутъ, съ хвалою мнѣ въ устахъ:
Всѣ съ жадностью на бой давно смотрѣли,—
Такъ много отъ дракона зла терпѣли!
Тутъ на меня алмазовъ дождь течетъ,
И всѣ кричатъ: «Вотъ Самъ, что сразу бьетъ!»
Безъ панцыря и латъ я вышелъ съ бою,
А мой скакунъ—съ расплавленной бронею.
И долго я еще потомъ болѣлъ:
Такую силу змѣя ядъ имѣлъ.—
И много лѣтъ въ странѣ опустошенной
Торчалъ одинъ терновникъ опаленный».

Перевелъ А. Е. Грузинскій.

ДѢЛО ПРАВДЫ И РАЗУМА

Въ эти дни великихъ рѣшеній не можетъ русскій еврей не воззвать къ русскому обществу о своей нестерпимой обидѣ, не потому, чтобы теперь было больше надежды быть услышаннымъ, но потому, что среди всеобщаго духовнаго пробужденія трижды больнѣе чувствуется эта неправда и общее равнодушіе къ ней. Кругомъ воочію свершается чудо. Какъ бываетъ въ семьяхъ, когда Богъ печалиной радостью или великимъ испытаніемъ посѣтитъ домъ, и члены дома вдругъ узрятъ другъ друга духовными глазами, и сразу растаятъ самолюбивыя обиды, корысть и ледъ сердецъ,—такъ теперь въ безпримѣрномъ одушевленіи открывается правда душѣ народовъ. Многое, что въ полудремотѣ будней казалось существеннымъ и важнымъ, исчезло, какъ дымъ, и отчетливо встали предъ взоромъ подлинныя сущности человѣческаго сознанія. Каждый внутри себя и взаимно между собою, народы союзной Европы загораются чувствами прямыми и человѣчными, забывъ частныя соперничества и злобы,—вражду партій, корысть сословій, оппозицію власти, даже зависть международную. Пусть эти примиренія—только временныя, но они не могутъ пройти безслѣдно, а многія правды начинаютъ воплощаться уже на нашихъ глазахъ: примѣръ—Польша.

Въ такіе дни, я говорю, острѣе горитъ всякая общественная обида, и еврею невозможно молчать. Не просить кусочковъ себѣ при общей раздачѣ правды, но требовать должны мы, евреи, во имя совѣсти и разума, чтобы намъ была воздана вся божеская правда, подобающая нашему человѣческому образу. И не пристало намъ въ рабской униженности задабривать общество и власть ссылкою на то, что столько-то сотенъ тысячъ еврейскихъ солдатъ сейчасъ проливаютъ кровь и столько-то сотенъ тысячъ еврейскихъ семействъ терпятъ разореніе за общую родину, или подкупать ихъ указаніемъ на хозяйственный и моральный вредъ, какой причиняется еврейскимъ безправіемъ самой Россіи. Мы не рабы, не орудіе какой-либо мірской силы. Насъ создалъ древле и въ каждомъ рожденіи вновь создаетъ Богъ по Своему образу и подобію съ живой душою: вотъ наше право на равноправіе со всѣми людьми, и другого права не можетъ быть. Черта осѣдлости, обрекающая массу еврейства на ужасное существованіе, есть не ограниченіе гражданскихъ правъ, а ограниченіе права естественнаго и неотъемлемаго. Отдѣльныхъ преступниковъ сажаютъ въ тюрьмы, состоящимъ въ бракѣ запрещаютъ вторичный бракъ, но какъ нельзя предписать безбрачіе цѣлому народу, такъ нельзя цѣлый народъ посадить за ограду, потому что и то, и другое равно противно Божескимъ законамъ и есть смертный грѣхъ, караемый безпощадно. Этотъ грѣхъ дѣлается надъ нами, и кѣмъ?—нашими согражданами. Догадываются ли русскіе люди, что чувствуетъ мыслящій еврей въ Россіи? Онъ терпитъ тройную пытку—за свой тѣлесно-терзаемый народъ, за глубокое

Д. Н. Кардовскій. *Проводы.*

духовное искаженіе, на которое обреченъ этотъ народъ тѣмъ нарушеніемъ естества, которое совершается надъ нимъ, и за Россію, которая вся духовно отравляется еврейскимъ безправіемъ. Жизнь еврейской массы въ Россіи—сплошной подавленный стонъ о хлѣбѣ и о справедливости, и не въ однѣхъ синагогахъ возносятся молитвы; но весь свой вѣкъ скорбью сердечною безсловесно молится еврейская бѣднота въ «чертѣ», въ непрестанныхъ страданіяхъ и обидахъ. Нужно вернуть намъ наши человѣческія права, для того, чтобы не калѣчилось наше существованіе и чтобы исцѣлился нашъ духъ, чтобы наши дѣти рождались не съ этой печалью въ глазахъ, съ испугомъ и униженностью въ душѣ, которые подавляютъ ее въ зародышѣ. Столько поколѣній еврейство держатъ въ противоестественныхъ условіяхъ: кто въ правѣ ставить намъ теперь въ упрекъ наши недостатки?

Я не затѣмъ поднимаю голосъ, чтобы призывать русское общество къ справедливости въ отношеніи евреевъ. Знаю, что освобожденіе евреевъ давно предрѣшено въ совѣсти лучшихъ людей нашихъ, какъ безотчетно назрѣвало въ теченіе десятилѣтій и справедливое рѣшеніе польскаго вопроса. Всякая общественная правда медленно накопляется въ сердцахъ, какъ подпочвенныя воды, и часто люди подолгу не подозрѣваютъ, что она въ нихъ уже готова; но, достигнувъ полноты, она выбивается наружу ключомъ. Такъ случилось съ Польшею, такъ будетъ, конечно, и съ еврействомъ.

Но надо напомнить русскимъ людямъ объ этой неправдѣ, одной изъ самыхъ вопіющихъ въ Россіи, чтобы они остановили свою мысль на ней и дали себѣ время прислушаться, что говоритъ имъ о ней ихъ совѣсть. Каждый день промедленія стоитъ милліонамъ евреевъ жесточайшихъ страданій. Еврейскій вопросъ, болѣе всякаго другого,—вопросъ законодательный; безправіе евреевъ въ Россіи, и въ первой линіи — черта осѣдлости, возникли не въ результатѣ стихійнаго хода народной жизни: они установлены нѣсколькими законодательными актами въ первые же дни послѣ того, какъ вся масса восточнаго еврейства была раздѣлами Польши приведена въ русское подданство. Подобно правоограниченію раскольниковъ, нѣкогда установленному закономъ и закономъ же вдругъ, въ 1905 году, отмѣненному, они—не органическій продуктъ быта, а сознательная надстройка, которую новое сознаніе можетъ такъ же механически снять, какъ старое механически воздвигло.

Въ насъ все оскорблено, все болитъ, и если исключить горсть сытыхъ, равнодушныхъ, какіе есть въ каждомъ народѣ, типичный признакъ русскаго еврея—тяжелый надломъ въ душѣ. Мучительно было евреямъ ихъ безправіе и во времена всеобщаго господства предразсудковъ, но тогда оно было, и по существу, и по чувствованію, безконечно менѣе оскорбительно, чѣмъ теперь, въ вѣкъ просвѣщенный, просвѣтившій къ тому же и многихъ изъ ихъ собственной среды—на вящшее пониманіе обиды.

М. Гершензонъ.

EX PRAETERITO SPES IN FUTURUM!

Когда, не успѣвъ уѣхать изъ Германіи, я узналъ объ объявленіи войны, первою мыслью моею,—въ затруднительномъ положеніи, въ какомъ я очутился,—было обратиться за совѣтомъ и возможнымъ содѣйствіемъ къ нѣмецкимъ коллегамъ по наукѣ. Я ихъ просилъ въ товариществѣ по наукѣ, этомъ своего рода «братствѣ во Христѣ», видѣть главное основаніе моего права къ нимъ обратиться съ такою просьбою въ этотъ моментъ, когда между нашими націями началась война. Это обращеніе не осталось напраснымъ: одинъ изъ берлинскихъ профессоровъ не только очень тепло отозвался на этотъ призывъ къ чувству научнаго товарищества, но и оказалъ какъ лично мнѣ, такъ и массѣ другихъ русскихъ содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія на родину.

Какимъ ударомъ для моей вѣры въ гуманизирующее вліяніе науки, этой нейтральной области исканія истины, было извѣстное воззваніе германскихъ ученыхъ, подъ которымъ стояли подписи людей, извѣстныхъ своими заслугами передъ наукой, и рядомъ съ этимъ воззваніемъ другія аналогичныя, поистинѣ человѣконенавистническія, заявленія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, въ ихъ числѣ и историковъ. Въ одномъ изъ писемъ къ упомянутому профессору, тоже историку, я высказалъ сожалѣніе, что наша наука безсильна еще предотвращать войны, а теперь я видѣлъ представителей этой науки въ рядахъ тѣхъ, которые какъ разъ сѣяли и разжигали національную ненависть. Ученымъ, особенно представителямъ гуманитарной науки, не слѣдовало бы выступать въ такой роли!

Но, именно, съ той же точки зрѣнія нейтральности науки, съ которой лучше было бы, чтобы не было воззванія германскихъ ученыхъ, слѣдовало бы и ученымъ другихъ странъ воздержаться отъ отвѣта на вызовъ. Какъ граждане государствъ, ведущихъ войну, мы, конечно, должны желать побѣды надъ общимъ врагомъ, и пусть дѣлается все, что обезпечиваетъ побѣду, но развѣ для этого нужна какая бы то ни было перебранка ученыхъ, писателей, художниковъ? Развѣ наука, литература и искусство не представляютъ собою тѣхъ сферъ жизни, въ которыхъ проявляется общечеловѣческая солидарность въ стремленіи къ истинѣ, добру и красотѣ, могущемъ быть противовѣсомъ въ неизбѣжной борьбѣ политическихъ и экономическихъ интересовъ? И развѣ не слѣдуетъ дорожить существованіемъ этой нейтральной области въ реальныхъ интересахъ будущаго?

Не вѣчно же будетъ война. Пусть мы будемъ ее вести до полнѣйшаго сокрушенія врага, но когда нибудь будетъ же заключенъ миръ, прочное обезпеченіе котораго даже является для насъ главною цѣлью желательной побѣды. По окончаніи войны, какъ всегда это бываетъ, придется налаживать добрососѣдскія отношенія съ вчерашними врагами, и хотя бы ради этого все ненужное для побѣды и для

безопасности, въ томъ числѣ и коллективныя полемическія выступленія ученыхъ, писателей и художниковъ, кажется мнѣ излишнимъ. Представители германской науки, литературы и искусства подали дурной примѣръ, но, я вѣрю, потомъ они сами устыдятся, — вѣрю потому, что все таки и эта война не разрушаетъ во мнѣ вѣры въ общечеловѣческое значеніе научнаго и художественнаго творчества. Пусть и имъ злоупотребляютъ подъ вліяніемъ грубыхъ страстей и низменныхъ интересовъ, но всѣ, какія только были, злоупотребленія въ прошломъ не въ состояніи были побѣдить святую Правду. Въ этомъ прошломъ—основаніе нашей надежды на будущее: «Ex praeterito spes in futurum!»

Н. Карѣевъ.

МИНУВШЕЕ ЛѢТО

Юргису Балтрушайтису
и М. И. Балтрушайтисъ.

Забуду ль, въ роковые дни
Священнаго отчизнѣ лѣта,
Семьи сосѣдственной поэта
Гостепріимные огни?

Мы вмѣстѣ зажигали свѣчи
И выносили образа,
Когда вселенская гроза
Семью громами издалече

Заговорила... И во мнѣ
Навѣкъ жива взаимность эта,
Какъ соучастіе обѣта
Спасенныхъ на одномъ челнѣ.

Вячеславъ Ивановъ.

5 января 1915.

ВЪ СЕЛѢ

Въ селѣ Балаковѣ на волжскомъ берегу,
Подъ звѣзднымъ куполомъ іюньской теплой ночи,
Въ немолчномъ говорѣ и пароходномъ шумѣ,—
Въ селѣ Балаковѣ на пристани слѣпецъ,
Въ одной рукѣ держа разогнутую книгу
И отъ строки къ строкѣ водя по ней перстомъ,
Звенящимъ голосомъ, поднявъ лицо, читаетъ
Толпѣ святой разсказъ про дочерь Іаира;
А возлѣ—поводырь, мальчишка, съ фонаремъ,
Сбираетъ мѣдяки, бросаемые на полъ
Досчатой пристани. При шумѣ пароходномъ
Торопится народъ и свой товаръ грузить,
И сѣсть на пароходъ, и просто потолкаться,—
И громко «публику» слѣпецъ благодаритъ.
А звѣзды и вода горятъ спокойнымъ свѣтомъ
И тихо слушаютъ однѣ—святой разсказъ.

Юрій Верховскій.

ИНСТИНКТЪ И ИДЕАЛЪ.

Какъ многіе, слишкомъ многіе противопоставляютъ инстинктъ идеалу! Какое заблужденіе! Вѣдь всѣ наши высшіе идеалы выросли изъ общихъ у насъ съ животными инстинктовъ и ихъ корнями держатся на высотѣ духовной жизни человѣчества. Идеалы неустойчивы: смѣняются, отрицаются, забываются, подвергаются всякимъ случайностямъ исторической жизни; инстинкты въ темной глубинѣ своей живутъ своей жизнью. И если въ какой либо части человѣчества инстинктъ подъ давленіемъ внѣшнихъ условій подвергается извращенію, что на языкѣ человѣческомъ значитъ—измѣна идеаламъ, то на защиту инстинкта является въ свое время мощная мать его, стихія, и бурей—войной говоритъ человѣчеству veto.

Не идеаламъ измѣнили германцы, а основнымъ инстинктамъ, на твердомъ базисѣ которыхъ только и можетъ строиться общечеловѣческая жизнь.

А. Калмыкова.

Б. М. Кустодіевъ. *Крестный ходъ.*

СѢВЕРНАЯ БАЛЛАДА

I

Упосился корабль. Отдалялась земля.
Юный викингъ стоялъ у руля.
Весь въ лучахъ заревыхъ, въ блескѣ солнечныхъ стрѣлъ,
Былъ онъ ясенъ, и строенъ, и смѣлъ.
Развѣ можно жалѣть, и о комъ иль о чемъ,
Если вѣтеръ играетъ плащемъ
И горитъ ожиданьемъ воинственныхъ встрѣчъ
Ярче солнца блистающій мечъ?

II

Гасли зори и дни. Проходили года.
Все шумѣла за бортомъ вода,
И кровавая пѣна вскипала не разъ
Въ роковой и безжалостный часъ.
И не скоро узнаютъ въ родимыхъ краяхъ,
Что отважные пали въ бояхъ
И что витязь, плѣненный морской глубиной,
Никогда не вернется домой.

III

Поднимай паруса! Свѣтелъ путь корабля.
Новый викингъ стоитъ у руля,
Изъ подъ пышнаго шлема лучистыхъ кудрей
Улыбаясь просторамъ морей.
Развѣ надо жалѣть, и о комъ иль о чемъ,
Если вѣтеръ играетъ плащемъ,
Если новый, широкій и мощный прибой
Призываетъ на праведный бой?

Г. Вяткинъ.

КТО ПОБѢДИТЪ?

Сражаются войска, побѣждаютъ народы.

Ссылкой на исторію этого тезиса доказать нельзя. Но еще большой вопросъ, потому ли его нельзя доказать, что онъ невѣренъ, или потому, что войны, какъ въ далекомъ, такъ и въ близкомъ прошломъ, гораздо болѣе освѣщены исторіей съ ихъ внѣшней, фактической стороны, нежели съ внутренней—идейной.

Всегда ли вооруженное столкновеніе государствъ было войной народовъ? Всегда ли въ войнѣ участвовала народная душа? Если эти вопросы допускаютъ отрицательный отвѣтъ, то падаютъ и опроверженія тезиса историческими примѣрами.

Факторовъ успѣха на войнѣ много, и они разнообразны. Но главный изъ нихъ—человѣкъ, его мысль и его воля. Поражаетъ врага не пушка, а тотъ, кто изъ нея стрѣляетъ. Качество пушекъ и ружей, развитая желѣзнодорожная сѣть, цеппелины и техническая подготовка солдатъ могутъ способствовать успѣшности дѣйствій, диктуемыхъ мыслью и волей человѣка, но не болѣе.

Фридрихъ II ставилъ задачей военнаго воспитанія обращеніе солдата въ машину, въ автомата. Онъ стремился убить въ солдатѣ человѣка и привитіе солдату чувства страха возводилъ, какъ результатъ, въ систему. Онъ говорилъ: «Палки капрала солдатъ долженъ бояться больше, чѣмъ пули непріятеля». И у насъ фридриховская система долго и упорно торжествовала.

Но въ русскомъ солдатѣ, какимъ онъ себя показалъ въ нынѣшнюю войну, человѣкъ не убитъ. И въ окопахъ, и на развѣдкѣ, и при артиллерійскомъ состязаніи, и въ моментъ штыкового удара, онъ остается человѣкомъ, не столько, быть можетъ, сильнымъ выучкой, сколько духовнымъ подъемомъ. Современный германскій солдатъ—тоже не автоматъ. Но онъ неизмѣримо больше нашего изломанъ казармой и гораздо дальше, чѣмъ нашъ, отъ родной деревни.

Нынѣшняя война, съ самыхъ первыхъ ея дней, есть въ нашемъ сознаніи война народа. Войну ведетъ не русское правительство, не русское войско,—ее ведетъ страна. Какъ никогда, пожалуй, ранѣе, въ войнѣ участвуетъ народная душа,—душа столицъ и провинціи, душа города, фабрики и великаго зиждителя русской жизни—крестьянской деревни.

Незримыми путями духъ народа питаетъ духъ войска, мысль народа вливается въ мысль солдатъ. И солдаты творятъ народную волю. Машину выдумалъ человѣкъ, машиной человѣкъ управляетъ. Машина можетъ имѣть временный успѣхъ. Но въ конечномъ итогѣ человѣкъ сильнѣе пушки...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

КАКЪ МОГЛИ МЫ ПРЕЖДЕ ЖИТЬ ВЪ ПОКОѢ...

Какъ могли мы прежде жить въ покоѣ
И не ждать ни радостей, ни бѣдъ,
Не мечтать объ огнезарномъ боѣ,
О рокочущей трубѣ побѣдъ?

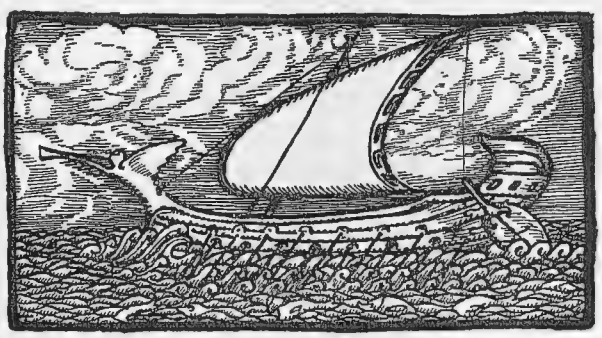
Какъ могли мы... но еще не поздно!
Солнце духа наклонилось къ намъ,
Солнце духа, благостно и грозно,
Разлилось по нашимъ небесамъ.

Расцвѣтаетъ духъ, какъ роза мая,
Какъ огонь, онъ разрываетъ тьму,
Тѣло, ничего не понимая,
Слѣпо повинуется ему.

Въ дикой прелести степныхъ раздолій,
Въ тихомъ таинствѣ лѣсной глуши
Ничего нѣтъ труднаго для воли
И мучительнаго для души.

Чувствую, что скоро осень будетъ,
Солнечные кончатся труды,
И отъ древа духа снимутъ люди
Золотые, зрѣлые плоды.

Н. Гумилевъ.



MORTUOS PLANGO!

Когда угаснетъ жизнь общественнаго или научнаго дѣятеля, и въ память его собираются тѣ, кто понялъ тяжесть утраты, имъ нерѣдко приходится слышать такой упрекъ: «Такъ-то у насъ всегда: человѣкъ борется, страдаетъ, отвлекается отъ творческой работы для обороны «отъ мести враговъ и клеветы друзей», и ниоткуда не раздается голоса въ его защиту, никто не выступитъ съ яркимъ изображеніемъ его заслугъ и нравственной высоты; однако, стоитъ ему умереть—и о немъ скажутъ все то искреннее и хорошее, что ему было бы такъ отрадно услышать при жизни, что придало бы ему бодрости и утѣшило его въ скорбныя минуты». Но такой упрекъ несправедливъ. Между прижизненною защитою и посмертнымъ признаніемъ есть большая разница, и считать, что это одно и то же по значенію и содержанію—значитъ очень ошибаться.

Большинство людей мыслитъ не логическими посылками и выводами, а образами. Представленіе о всемъ человѣкѣ и его дѣятельности, а не объ отдѣльномъ фактѣ изъ его жизни, не о томъ или другомъ его спеціальномъ трудѣ,—тоже слагается въ опредѣленный образъ. Но такой образъ возникаетъ лишь послѣ смерти дѣятеля, когда онъ «совершитъ въ предѣлѣ земномъ все земное», когда обрисуется вся его личность. Послѣ смерти—послѣдняя возстаетъ въ памяти гораздо цѣльнѣе, свободная отъ случайныхъ и преходящихъ осложненій, причемъ и для злорадства клеветы, и для искательства лести исчезаетъ почва. Смерть соединяетъ съ усопшимъ болѣе, чѣмъ жизнь. Расторгнувъ земныя, матеріальныя отношенія, она сближаетъ съ нимъ оставшихся въ области духа. Ея призракъ властно заставляетъ одинаково прекратить по отношенію къ нему и постройку своихъ личныхъ расчетовъ, и сведеніе своихъ личныхъ счетовъ. Смерть представляетъ послѣдній постепенно замолкающій или внезапно прерывающійся аккордъ жизни,—послѣднюю черту, оставляемую умирающимъ въ памяти близкихъ и знающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, смерть, ударивъ по сердцамъ, пробудивъ заснувшее чувство благодарности и обостривъ личныя воспоминанія, заставляетъ раскрыться такія стороны ушедшаго, всплыть наружу такія невѣдомыя дотолѣ обстоятельства его жизни, о которыхъ умалчивала скромность однихъ, забывчивость другихъ. И благодаря этому жизнь его становится понятнѣе и ярче послѣ смерти. Съ этой стороны въ словахъ Евангелія: «аще не умретъ—не оживетъ», даже понимаемыхъ буквально, заключается глубокій смыслъ.

На ряду съ упрекомъ въ запоздалости оцѣнки иногда слышится и другой упрекъ: въ переоцѣнкѣ. Время вноситъ элементъ примиренія и забвенія, но оно же стираетъ яркія краски, наложенныя чувствомъ, и изъ-подъ нихъ нерѣдко

Г. К. Лукомскій. *Прага.*

выступаетъ настоящая дѣйствительность, заслоненная вначалѣ «насъ возвышающимъ обманомъ». Подъ вліяніемъ смѣняющихся событій и взглядовъ, обнародованія разныхъ документовъ, раскрытія оставшихся безгласными сторонъ дѣятельности—первоначальный образъ горячо оплаканнаго человѣка тускнѣетъ, видоизмѣняется и пріобрѣтаетъ подчасъ весьма сомнительныя очертанія. И въ такихъ случаяхъ чествованіе памяти звучитъ диссонансомъ и рѣжетъ слухъ своей неискренностью или умышленными умолчаніями.

Но это бываетъ не часто. Напротивъ, съ годами образы нѣкоторыхъ дѣятелей становятся еще дороже, особенно во времена, когда общественная совѣсть находится «на ущербѣ» и когда, на ряду съ мыслью: «Какъ горько, что его больше нѣтъ!» въ душѣ звучитъ: «Какъ все таки хорошо, что онъ былъ»...

А. Ѳ. Кони.

ВОЙНА...

Война... этотъ страшный, волнующій звукъ...
И женскія, дѣтскія лица въ слезахъ...
Толпа... И тоска, и рѣшимость въ глазахъ,
И темный испугъ...
И гдѣ-то въ далекихъ рядахъ
«Ура», прозвучавшее вдругъ.
Идутъ, все идутъ... каждый день, каждый часъ...
Толпа на перронѣ... прощанье... и вновь
Волна... и рыданья... и грохотъ шаговъ,
Отрывистый возгласъ и громкій приказъ...
Хоругви, кресты... рядъ склоненныхъ головъ
И призракъ костлявый... холодный... безъ глазъ...
Ушли... Жизнь какъ будто течетъ, какъ текла...
И улицы тѣ же... Но стѣны въ тиши
Хранятъ темный ужасъ и трепетъ души...
Сомкнулись... И сердце кричитъ: «Не души!
Дай каплю надежды, дай каплю тепла!..»
Вернутся!.. Вернутся ль?.. Сжимается грудь...
Родные—чужіе... Какъ больно не знать,
Какъ трудно остаться, и ждать, и страдать
За тѣхъ, уходящихъ въ невѣдомый путь...
И молится жарко скорбящая мать:
«О Господи... милостивъ будь!..»

Г. Галина.

ОБЪ ОПАСНОСТЯХЪ ВОЙНЫ

1. Опасности тѣлесныя

Люди на войнѣ гораздо спокойнѣе относятся къ войнѣ, чѣмъ люди — дóма. Это потому, что люди — дóма представляютъ себѣ войну сплошнымъ предсмертнымъ ужасомъ. Это невѣрно.

Когда возвращаешься изъ мѣстъ войны, съ полей сраженій, въ тихую средину Россіи, спрашиваютъ:

— Ну, что, страшно было?

Вопросъ въ первый моментъ представляется страннымъ. Впечатлѣній такъ много, и почти всѣ они «не страшныя», т. е. въ томъ смыслѣ не страшныя, въ какомъ спрашиваютъ. Если отвѣтишь: «Да нѣтъ, чего же страшнаго?»—не вѣрятъ.—«Ну, какъ ужъ, поди, не страшно!»...

Чтобы удовлетворить любопытство людей—дóма, стараешься вспомнить, что же было, дѣйствительно, «страшнаго»? Вотъ припоминаю. Изъ всѣхъ моихъ впечатлѣній въ теченіе мѣсяцевъ войны самое нестерпимое — быть въ городѣ, куда падаютъ снаряды.

Всѣ опасности грома, войны и землетрясенія соединяются здѣсь въ одну опасность. И городъ съ богатыми, каменными, высокими домами становится ненадеженъ и хрупокъ, какъ посудная лавка, куда падаютъ булыжники. А нарядныя, просторныя улицы, блестящіе магазины—превращаются въ жуткія ловушки, отъ которыхъ надо бѣжать.

Но некуда бѣжать. Всюду тѣ же улицы, и толстыя стѣны рушатся снарядами, какъ яичныя скорлупы. Люди мечутся только потому, что всякое мѣсто представляется страшнѣе другого, и не видно,—гдѣ опасность? А вотъ на крышѣ стоитъ человѣкъ и не убѣгаетъ; онъ далеко видитъ, и ему уже не страшно.

Но это было десять-пятнадцать минутъ въ теченіе мѣсяцевъ жизни въ обстановкѣ войны, и такъ легко забыть объ этихъ страшныхъ минутахъ, когда спрашиваютъ,—было ли на войнѣ страшно.

Ибо страхъ смерти—лишь ничтожная доля великаго подвига войны.

2. Опасности духовныя

Для мыслящаго человѣка тягостна духовная обстановка войны: нельзя довѣриться вполнѣ ни одному человѣческому слову. Не придавайте вѣры, даже если люди говорятъ: «Мы сами видѣли!». Они видѣли, но усвоили изъ явленія не то,

что есть въ немъ главнаго, а то, что подсказало имъ настроеніе войны. И потому всякій слухъ, всякое утвержденіе, всякое мнѣніе—провѣряйте. Хорошо, что у мысли человѣческой есть свои законы, иначе во время войны люди потеряли бы мѣрки разумнаго.

Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ люди думаютъ объ одномъ,—о войнѣ. Волнуются и радуются однимъ,—войной. Это очень необходимо для сосредоточенія силъ, необходимо для побѣды, но это очень опасно для оцѣнки событій.

Говорятъ — есть люди, у которыхъ отъ одной длительной мысли о ранахъ Христа появляются на ладоняхъ такія же раны, и сочится живая кровь. Эти люди неодолимы въ достиженіи своей цѣли, но было бы странно требовать отъ нихъ правильной оцѣнки сложныхъ явленій жизни человѣческой.

Вотъ въ такомъ духовномъ состояніи живетъ теперь Россія.

С. Кондурушкинъ.

Э Л Е Г І Я

Inter arma silent leges — «на войнѣ безмолвствуютъ законы». Таковъ типичнѣйшій афоризмъ Запада, гдѣ различіе между войною и миромъ постигается прежде всего подъ угломъ правовыхъ началъ.

Востокъ не знаетъ такого различія между войною и миромъ. И, напрасно раздражая слухъ его, изреченіе римскаго гражданина мало говоритъ его сердцу.

Но и Востоку и Западу одинаково долженъ быть доступенъ и близокъ вотъ этотъ новый афоризмъ, утверждаемый многообразными фактами послѣдняго времени: «на войнѣ безмолвствуетъ сознаніе».

Сознаніе, въ каждомъ актѣ котораго наше «я»—постоянно и дѣятельно присутствуя—находитъ себѣ наиболѣе полное и яркое выраженіе.

Человѣкомъ овладѣваютъ подсознательныя силы его первичной природы, и онъ, въ своей безудержной импульсивности, превращается въ ихъ послушное пассивное орудіе.

Правда, здѣсь—въ этой темной подсознательной стихіи человѣческаго духа—берутъ начало кристально-прозрачные родники героизма и самопожертвованія.

Но здѣсь же—въ неорганизованномъ сознаніемъ хаосѣ—зарождаются и роятся темныя влеченія и слѣпыя страсти, страшныя своей разрушительной силой!

И вотъ почему, когда говорятъ объ «ужасахъ войны», они представляются мнѣ не въ оглушительномъ грохотѣ орудійныхъ снарядовъ, не въ кровавомъ заревѣ пылающихъ городовъ и селъ, а въ нѣмомъ безмолвіи сознанія, въ глубокомъ мракѣ, окружающемъ его потухшій и опрокинутый факелъ.

Вл. Кранихфельдъ.

MORATORIUM

Можетъ быть, это и очень постыдно, но я все же признаюсь: я впервые узналъ это слово только нынче лѣтомъ изъ газетъ, когда онѣ, въ связи съ войной, стали дебатировать вопросъ о «частичномъ и полномъ мораторіумѣ»...

Вскорѣ пришлось убѣдиться, что это удивительно—содержательное слово...

Извѣстіе о нагрянувшей на Европу войнѣ застало меня въ глуши, вдали отъ людей и жилья, на охотѣ. Былъ полдень и, выбравшись изъ мохового болота, я усѣлся отдохнуть при дорогѣ. Крестьянинъ, возвращавшійся со станціи, подсѣлъ ко мнѣ и сообщилъ новость...

Въ тѣ дни всѣ,—знакомые и незнакомые, люди всякихъ званій и состояній,—при встрѣчѣ, высказывались на чистоту, до конца... Тяжкая минута всѣхъ какъ бы объединила, какъ бы открыла тѣ клапаны въ русскихъ душахъ, которые въ обычное время дѣлаютъ ихъ такими угрюмо-необщительными. И черезъ пять словъ на шестое я услышалъ отъ своего собесѣдника слѣдующее:

— Сейчасъ самый заядлый бунтарь скажетъ, что теперь не время, что надо подождать... Пусть кончится война: тогда представимъ счетъ...

Эти слова удивили меня. Я точно запомнилъ ихъ и привелъ ихъ здѣсь буквально. Произнесенныя въ первый же день войны случайнымъ, невѣдомымъ мнѣ встрѣчнымъ—развѣ не стали они общимъ лозунгомъ, общимъ девизомъ? Развѣ не объявили мы мораторіумъ для тѣхъ «векселей», которые накопились у насъ на рукахъ въ такомъ несмѣтномъ количествѣ?

Да и мы ли одни? Демократія всей Европы поступила такъ же. Разница лишь та, что неоплаченныхъ обязательствъ тамъ меньше, да и должники съ предупредительностью заявили о своей готовности хотя бы къ частичной расплатѣ.... А у насъ и въ этой области—по нашески, по русски...

Но мораторіумъ—вещь срочная.

И думается, послѣ войны міръ явится свидѣтелемъ взысканія по цѣлымъ четыремъ векселямъ.

Франціи уже не придется на своихъ школьныхъ картахъ обводить траурной каймой—Эльзасъ и Лотарингію; Бельгія и Польша, эти жертвы новой и новѣйшей исторіи, предъявятъ каждая по векселю—и получатъ удовлетвореніе. Въ это я вѣрю, на это надѣюсь... Четвертымъ векселемъ—будетъ векселъ демократіи всей Европы, а валютой его—вся нынѣшняя война, предотвратить которую демократія оказалась не въ силахъ,—все это безмѣрное оскорбленіе, этотъ неисчислимый ущербъ жизни, это неслыханное попраніе давно и прочно, казалось установленныхъ моральныхъ правъ и культурныхъ цѣнностей!... Вотъ четвертый великій искъ, который будетъ предъявленъ, по окончаніи мораторіума, и будетъ удовлетворенъ. Въ этомъ я убѣжденъ.

М. Невѣдомскій.

В. Е. Маковскій. *Лѣсничій.*

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ГОДА

Господень день. Ликуя, солнце пышетъ
И плавитъ около сверкающую твердь.
Такъ чудесами Канны воздухъ дышитъ,
Что вотъ прозябнетъ и сухая жердь.

Свободна ото льда и пароходовъ,
Вся въ тонкихъ струйкахъ искрится Нева
И, пышно подѣлясь на рукава,
Объемлетъ и, колебля въ чистыхъ водахъ,
Лелѣетъ радостные острова!

А сердце полнымъ роздыхомъ природы,
Овѣяннымъ благословеннымъ днемъ,
Во мнѣ расширено до той свободы,
Что ничему теперь не тѣсно въ немъ.

И сердцемъ той, кто безъ того свободна,
Такъ радостно свободу подтвердить!
Господь сошелъ весь міръ освободить,
И никакая жертва не безплодна.

Н. В. Недоброво.

ДЕКАБРИСТЪ БУЛАТОВЪ

Александръ Михайловичъ Булатовъ — герой 12-го года. Подъ Смоленскомъ былъ тяжело раненъ въ голову и умеръ бы, истекая кровью, если бы солдаты не вынесли его изъ огня на плечахъ. Подъ Бородинымъ такъ далеко зашелъ въ ряды непріятелей, что всѣ въ полку были увѣрены, что онъ погибъ,—но уцѣлѣлъ, не болѣе, какъ съ шестью людьми изъ всей своей роты. Въ 1814 году, въ тріумфальномъ вшествіи русскихъ въ Парижъ, шелъ, весь израненный, съ повязками на головѣ и на правой рукѣ, салютуя государю лѣвою. «Vive le brave!» — кричали французы и кидали ему подъ ноги цвѣты. Государь замѣтилъ Булатова и пожаловалъ ему золотую шпагу за храбрость.

А наружностью этотъ храбрый солдатъ напоминалъ фарфоровую куколку: такой бѣлый цвѣтъ кожи, такой нѣжный румянецъ, такіе голубые глаза. Въ лицѣ неправильность: одинъ глазъ выше другого, и отъ этого все оно—чуть-чуть на-криво, какъ въ кривомъ зеркалѣ, или какъ будто двѣ половины лица неровно склеены; должно быть, отъ этого же было въ немъ что-то тяжелое, странное, почти жуткое. Но стоило ему улыбнуться, чтобы кривизна исчезла и все лицо сдѣлалось правильнымъ, почти прекраснымъ. Въ улыбкѣ видна была душа его, душа солдата, простая и прямая, какъ шпага.

Недаромъ товарищи любили его, какъ брата, а нижніе чины «жалѣли» и «почитали», какъ отца родного. Этотъ немудреный и неученый армейскій полковникъ былъ такой же простой, какъ они. Вся философія его сводилась къ немногимъ правиламъ: не искать ни въ комъ, а итти всегда прямою дорогою, служа во фронтѣ вѣрою и правдою своему царю и отечеству; давъ слово, держать его, въ чемъ бы оно ни состояло; дружбѣ не измѣнять; нижнихъ чиновъ не обижать, потому что «и подъ сими толстыми шинелями таятся сердца русскія, благородныя»; дорожить честью, больше, чѣмъ жизнью; и «всегда съ охотою умереть для пользы отечества». Горячихъ напитковъ не употреблять, «а въ картишки—можно, особенно, ежели по маленькой».

Было у него еще что-то, не входившее ни въ какія правила: когда онъ видѣлъ или только слышалъ, что сильный обижаетъ слабаго, съ нимъ дѣлался припадокъ бѣшенства—«родимчикъ», какъ шутили товарищи.

Отецъ его, послѣ 50-лѣтней непорочной службы, былъ оклеветанъ Аракчеевымъ, лишенъ государевой милости и сосланъ въ Сибирь. Когда Булатовъ-сынъ узналъ объ этомъ, имъ овладѣло бѣшенство, и онъ рѣшилъ «вступить въ заговоръ» (хотя ни о какихъ заговорахъ тогда еще не слыхивалъ), чтобы отомстить

Аракчееву и, можетъ быть, покуситься на жизнь самого государя. Эта безумная мысль исчезла вмѣстѣ съ «родимчикомъ»; но что-то осталось отъ нея, чего онъ и самъ не могъ бы выразить словами . . . . . .

Осенью 1825 года Булатовъ получилъ трехмѣсячный отпускъ для раздѣла имущества послѣ смерти отца и изъ г. Керенска, Пензенской губерніи, гдѣ командовалъ 12-мъ егерскимъ полкомъ, пріѣхалъ въ Петербургъ.

Однажды, въ театрѣ, встрѣтилъ онъ Рылѣева, своего товарища по 1-му кадетскому корпусу. Рылѣевъ былъ человѣкъ осторожный; но, вѣрно, замѣтилъ что-то въ словахъ или умолчаніяхъ собесѣдника, что̀ побудило его закинуть удочку. Тутъ же, въ театрѣ, онъ отвелъ Булатова въ сторону и «потихонку, съ усмѣшкою» (усмѣшка эта запомнилась ему—должно быть, не понравилась) сообщилъ, что въ Россіи существуетъ заговоръ, вотъ уже 8 или 9 лѣтъ, и «въ будущемъ году будетъ всему рѣшеніе».

«Признаюсь чистосердечно,—вспоминалъ впослѣдствіи Булатовъ,—я не повѣрилъ ему и полагалъ, что подобные разговоры не что иное, какъ болтаніе молодыхъ людей, которое вошло въ моду въ столицѣ».

Но, можетъ быть, все таки сердце у него сильнѣе забилось; можетъ быть, вспомнилось ему, что онъ чувствовалъ въ минуту бѣшенства — «родимчика»—за неотомщенную обиду отца.

Онъ ничего не отвѣтилъ Рылѣеву, больше не видался съ нимъ и забылъ или старался забыть объ этомъ разговорѣ. Торопился кончить дѣло о наслѣдствѣ, чтобы вернуться въ полкъ.

27 ноября получено было въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Россія присягнула Константину I. Но манифеста отъ новаго государя не было, и ходили слухи, что дѣло неладно: Константинъ отъ престола отрекается. Наступило междуцарствіе.

Снаружи все было тихо, но внутри—смута. Если бы Константинъ отрекся, то Николай воцарился бы. А его не любили: говорили, что онъ окруженъ будетъ нѣмцами; а пуще всего боялись, что при немъ останется въ прежней силѣ Аракчеевъ или духъ аракчеевскій и что это—гибель Россіи.

Смута была внизу, въ народѣ, и еще бо́льшая смута—вверху, у престола. Курьеры скакали изъ Петербурга въ Варшаву, изъ Варшавы въ Петербургъ, но все безъ толку.

Булатовъ, какъ всѣ желавшіе «пользы отечества», Николая ненавидѣлъ. Что, если онъ воцарится? «За царя и отечество»—всегда звучало для Булатова единымъ вѣрнымъ звукомъ, а теперь—двойнымъ, фальшивымъ, какъ стекло съ трещиной. За царя противъ отечества, за отечество противъ царя—можетъ ли это быть? И если можетъ, то какъ раздѣлить ихъ? Какъ сдѣлать выборъ? . . . . . .

6 декабря, въ воскресеніе, въ день тезоименитства Николая Павловича, Булатовъ обѣдалъ у лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручика Панова въ компаніи военныхъ, большею частью незнакомыхъ ему людей.

Несмотря на правило не пить, пришлось выпить: сначала за здоровье двухъ старыхъ гренадеровъ, тѣхъ самыхъ, которые вынесли его изъ огня подъ Смоленскомъ; потомъ за весь ихъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ въ 12-мъ году; и, наконецъ, за невѣсту хозяина; онъ при этомъ пилъ изъ башмачка невѣстина.

Послѣ обѣда начались «разговоры очень вольные»,—какъ Булатову казалось, «не для чего болѣе, какъ для выказки своего ума». Онъ отозвалъ Панова и просилъ унять молодыхъ людей, которые «врутъ вздоръ» и могутъ за это пострадать невинно.

Когда Булатовъ вернулся къ собесѣдникамъ, рѣчь шла объ Аракчеевѣ. Одинъ молоденькій артиллерійскій поручикъ началъ говорить въ пользу Аракчеева. Булатовъ заспорилъ съ нимъ, вспылилъ и наговорилъ ему дерзостей.

— Желалъ бы я, сударь, чтобы вы сами были Аракчеевымъ: тогда услышали бы отъ меня всю правду!—сказалъ Булатовъ, чтобы кончить разговоръ. Но противникъ его согласился быть Аракчеевымъ, и Булатовъ облегчилъ сердце, выругалъ его, какъ слѣдуетъ. Тотъ не обидѣлся,—только разсмѣялся. Булатовъ на минуту затихъ и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Все еще не могъ успокоиться; къ тому же, съ непривычки, чувствовалъ, что выпилъ лишнее.

— Аракчеевъ, потерявъ любовницу, забылъ о пользѣ отечества,—началъ онъ опять,—а по моему мнѣнію, человѣкъ, пекущійся о пользѣ отечества, не долженъ жалѣть о собственной жизни своей...

Эти два слова: «польза отечества» повторялъ онъ упорно и мучительно, какъ будто вдумывался въ нихъ, хотѣлъ и не могъ что-то понять.

Потомъ вдругъ взялъ въ руки пистолетъ, пустой или заряженный, не зналъ; и даже не помнилъ, какъ онъ очутился въ рукахъ его.

— Вотъ, друзья мои,—сказалъ онъ, приставляя дуло къ виску,—если бы отечество для пользы своей потребовало сейчасъ моей жизни,—и меня бы не было!

— Живите! живите!—закричали всѣ.—Ваша жизнь нужна для пользы отечества, особенно, по теперешнимъ обстоятельствамъ...

«По какимъ обстоятельствамъ?»—могъ бы спросить Булатовъ, но не спросилъ. Опомнился и почувствовалъ, что голова у него кружится не только отъ вина. Вдругъ опять затихъ, какъ будто задумался: все чаще находила на него эта странная задумчивость, похожая на столбнякъ или безпамятство.

Потомъ скоро уѣхалъ домой. Такъ и не понялъ, въ чемъ дѣло: былъ простъ, какъ голубь, но не мудръ, какъ змѣй.

Пановъ и гости его, заговорщики, члены Сѣвернаго Тайнаго Общества, испытывали Булатова,—и онъ испытаніе выдержалъ. Сѣть была разставлена такъ ловко, что онъ и не почувствовалъ, какъ увязъ въ ней—пока лишь однимъ коготкомъ; но коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть.

На другой день, по приглашенію Панова, Булатовъ поѣхалъ къ больному Рылѣеву. Тотъ уже прямо повелъ съ нимъ рѣчь о заговорѣ: должно быть, зналъ о вчерашнемъ испытаніи.

Булатовъ опять, какъ и тогда, въ театрѣ, ничего не отвѣтилъ; но по его молчанію и смятенію Рылѣевъ понялъ, что на этотъ разъ «клюнуло».

— Я, по старой нашей дружбѣ, никакъ отъ тебя не могъ онаго скрыть,— продолжалъ онъ,—тебя знаютъ здѣсь за благороднѣйшаго человѣка... Комплотъ нашъ состоитъ изъ людей рѣшительныхъ...

— Такъ и должно быть, ибо на такія дѣла малодушнымъ рѣшаться не должно, — проговорилъ, наконецъ, Булатовъ, чувствуя, что молчаніе становится неловкимъ.

Слова его, видимо, понравились Рылѣеву.

— Тебя давно сюда поджидали, и первое твое появленіе обратило вниманіе,— опять закинулъ онъ удочку.

Это значило: хочешь быть съ нами? Да или нѣтъ?

Кто-то вошелъ. Рылѣевъ попросилъ Булатова заѣхать завтра.

Булатовъ имѣлъ время обдумать вопросъ. Но, чтобы отвѣтить, надо было знать, въ чемъ, «по теперешнимъ обстоятельствамъ», польза отечества. А этого онъ все еще не зналъ. И чѣмъ больше думалъ, тѣмъ меньше зналъ. Не поможетъ ли Рылѣевъ узнать?

На другой день бесѣда продолжалась. Рылѣевъ открылъ ему цѣль заговора— «уничтожить монархическое правленіе», т. е. «тиранскую власть».

— Какая же въ этомъ польза отечества?—спросилъ Булатовъ.

Рылѣевъ не понялъ вопроса или не хотѣлъ понять и началъ говорить о представительномъ образѣ правленія, о двухпалатной системѣ, о выборѣ депутатовъ. Но это было совсѣмъ не то, что нужно Булатову: ему нужно было знать, что такое царь и отечество—одно или два; и если два, то какой сдѣлать выборъ, какъ раздѣлить сердце, какъ единымъ сердцемъ любить не единое?

Опять кто-то вошелъ.

— Это н а ш ъ,—сказалъ Рылѣевъ, представляя гостю Булатова.

Однимъ этимъ словомъ: «нашъ»—Булатовъ былъ принятъ въ заговоръ.

Что все это не шутка, какъ ему сначала казалось, онъ теперь уже понялъ. Люди жизнью не шутятъ. Но вѣдь и онъ не шутилъ своей честью и совѣстью. Почему же не отвѣтилъ: «Нѣтъ, не вашъ»? Потому что не могъ отвѣтить по совѣсти ни да, ни нѣтъ, не могъ рѣшить и чувствовалъ съ ужасомъ, что чѣмъ необходимѣе рѣшеніе, тѣмъ невозможнѣе . . . . . .

Съ минуты на минуту ждали въ Петербургѣ послѣдняго отвѣта изъ Варшавы, кому царствовать, Константину или Николаю.

12 декабря вечеромъ собрались заговорщики у Рылѣева. Пришелъ и Булатовъ, по приглашенію хозяина.

Здѣсь увидѣлъ онъ впервые главныхъ членовъ Тайнаго Общества: все молоденькіе ротные командиры; одинъ только полковникъ—князь Трубецкой, будущій «диктаторъ» мятежниковъ. Онъ все молчалъ, «принявъ на себя важность настоящаго монарха». Это не понравилось Булатову: ужъ не въ цари ли, въ самомъ дѣлѣ, мѣтитъ? Онъ ждалъ «чего нибудь посерьезнѣе».

Говорили опять все не о томъ—не о «пользѣ отечества».

— Какова наша сила?—спросилъ Булатовъ у Рылѣева.

Тотъ отвѣтилъ неопредѣленно: «пѣхота, кавалерія, артиллерія». А по числу бывшихъ здѣсь командировъ выходило не болѣе шести ротъ. Ужъ не обманываетъ ли ихъ Рылѣевъ? По кадетскимъ воспоминаніямъ Булатовъ считалъ его человѣкомъ «годнымъ только для заварки кашъ», а не для того, чтобы ихъ расхлебывать.

Что здѣсь все таки больше хорошихъ людей, чѣмъ дурныхъ,—онъ сразу увидѣлъ. Но ему казалось, что почти всѣ идутъ въ заговоръ нехотя, потому что сомнѣваются, не могутъ рѣшить, гдѣ «польза отечества», и мучатся этимъ такъ же, какъ онъ.

Не рѣшивъ главнаго, рѣшили «вздоръ», по мнѣнію Булатова: въ случаѣ, если Константинъ отречется, возмутить войска и собраться на Сенатской площади, «а тамъ видно будетъ». На Булатова надѣялись, какъ на старшаго по лѣтамъ и по чину: онъ долженъ былъ принять команду вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ, «диктаторомъ».

И опять не возражалъ онъ, все по той же перѣшимости. Да и жаль было «хорошихъ людей»: какъ покинуть ихъ въ такую минуту опасности не только для жизни, но и для чести и совѣсти.

Онъ былъ похожъ на солдата, который вдругъ ослѣпъ въ бою: нельзя сражаться и нельзя бѣжать.

Въ тотъ же день, 12 декабря, получено было въ Зимнемъ дворцѣ отреченіе Константина, и на 14-ое объявлена присяга императору Николаю I.

Булатовъ узналъ объ этомъ изъ коротенькой записки Рылѣева, кончавшейся тремя словами: «Честь—Польза—Россія».

Онъ понялъ, что рѣшать уже нечего,—само рѣшается.

14 декабря Булатовъ былъ на Сенатской площади, рядомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

«Вижу государя императора,—вспоминалъ онъ впослѣдствіи.—Мнѣ понравилось мужество его. Я былъ очень близко отъ него, и даже не болѣе шести шаговъ, имѣя при себѣ кинжалъ и пару пистолетовъ... Я очень жалѣлъ, что не могу ему быть полезенъ... Обратился къ собранію 12-го числа, гдѣ было положено для пользы отечества убить государя. Но теперь я былъ возлѣ него и совершенно покоенъ и судилъ, что попалъ не въ свою компанію... Узналъ, что полковникъ Стюрлеръ раненъ, и одна мысль, что, можетъ быть, несчастное имя мое причиною жестокой раны вѣрнаго слуги государя и отечества, приводитъ меня въ ужасъ... Орудія начали дѣйствовать... Я былъ вблизи оныхъ, досадовалъ на распорядителей заговора, что, не имѣя понятія въ военномъ дѣлѣ, губятъ людей... А когда услышалъ, что изрубленъ обезоруженный офицеръ Московскаго (мятежнаго) полка, злоба овладѣла мною. И такъ, хотя гнусное дѣло быть заговорщикомъ, но если бы они не обманули меня числомъ войскъ и открыли видимую пользу отечества, я сдержалъ бы слово. Можетъ быть, мы были бы разбиты большинствомъ войскъ, но не такъ легко могли бы купить послѣднюю каплю крови мою... Когда заговор-

И. И. Нивинскій.

Св. Севастьянъ. Посвящается разоренной Бельгіи (офортъ).

щики были прогнаны, я уѣхалъ домой, имѣя въ душѣ большое волненіе... Слышу безпрестанно разносящіеся слухи, что перевѣсъ на сторонѣ заговора,—и то радуюсь, то сожалѣю... Уважая государя, кипѣлъ къ нему ужаснымъ мщеніемъ, съ часу на часъ усиливающимся по доходящимъ слухамъ, что рубятъ обезоруженныхъ... Узналъ, что артиллерія не присягала, и какъ будто досадовалъ, что она не идетъ на помощь (мятежникамъ), и опять довольствовался, что она покойна. Не знаю, откуда человѣкъ мой Иванъ Семеновъ слышалъ, что въ 12 часовъ (опять) начнется дѣло... Ложась въ постель, я приказалъ, если что будетъ, осѣдлать мнѣ лошадь. Но вскорѣ живущій у насъ въ домѣ капитанъ Полянской увѣдомилъ, что все кончено».

Булатовъ такъ и не сумѣлъ раздѣлить сердца,—и оно само раздѣлилось, раскололось на-двое. Два сердца—два Булатова: одинъ за царя, другой за отечество. Въ этомъ была мука, но еще большая мука въ томъ, что онъ не зналъ, гдѣ настоящій Булатовъ и гдѣ двойникъ. Или нѣтъ настоящаго, а только два двойника, которые сцѣпились и душатъ другъ друга?

«На другой день отправился въ Главный Штабъ для присяги... Злоба моя къ государю еще болѣе увеличилась... Я вбѣжалъ въ залу въ ужасномъ смятеніи, протолкался впередъ между народомъ. Читали манифестъ. Я слушалъ и дрожалъ. Подняли руки вверхъ, и я тоже. Присягаютъ всѣ, и я присягаю. Присяга кончена, всѣ цѣлуютъ слова Священнаго Писанія и подходятъ ко кресту... Итакъ, вотъ главное мое преступленіе... Я подхожу къ св. Евангелію, дрожа, цѣлую священныя слова онаго и, поцѣловавъ крестъ, приношу клятву отомстить государю за изрубленныхъ моихъ товарищей. Я отшатнулся отъ креста, едва стоялъ на ногахъ и удивлялся, что никто меня не замѣчаетъ. Всякій, взглянувъ на меня, могъ смѣло сказать, что я злодѣй, и злодѣй такой, котораго и свѣтъ не производилъ».

Вотъ одинъ Булатовъ, а вотъ и другой.

«Съ сими мыслями выхожу изъ Штаба. Государь ѣдетъ къ войскамъ. Въ глазахъ моихъ онъ кажется очень хорошъ, милостивъ. Онъ мнѣ поклонился и, казалось, улыбнулся. Неужели одни слухи могли ожесточить меня такъ противъ него?»

Въ эту минуту Булатовъ понялъ бы восклицаніе Аракчеева: «Что мнѣ до отечества? Былъ бы живъ государь!»

Два Булатова—два двойника; то одинъ, то другой смѣняются, перемежаются, все чаще и чаще, какъ біенія сердца въ стремительномъ бѣгѣ или мелканія раскачавшагося маятника.

Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Иногда находили на него минуты безпамятства.

Послѣ одной изъ такихъ минутъ, очнулся онъ, «съ самою черною душою», въ Зимнемъ дворцѣ, въ государевыхъ комнатахъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ подошелъ къ нему.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ Булатова съ тою любезностью, съ которою въ этотъ день въ Зимнемъ дворцѣ встрѣчали всѣхъ «подозрительныхъ».

— Имѣю нужду говорить съ государемъ,—отвѣтилъ Булатовъ.

Онъ былъ страшенъ: больше чѣмъ когда либо, лицо его кривилось, какъ въ кривомъ зеркалѣ, и казалось, что двѣ половины лица плохо склеены.

Великій князь понялъ, въ чемъ дѣло, и пошелъ докладывать. Булатовъ остался на своемъ мѣстѣ.

Кто-то закричалъ:

— Веревокъ!

Онъ поблѣднѣлъ: думалъ, что его хотятъ вязать. Хватился кинжала и пистолетовъ: ихъ не было, должно быть, гдѣ-то забылъ. Злоба его удвоилась.

Но онъ ошибся: не его хотѣли вязать, а кого-то другого. Весь этотъ день хватали заговорщиковъ, водили во дворецъ, встрѣчали съ «любезностью» и тутъ же обыскивали, допрашивали, вязали веревками, набивали кандалы и отсылали въ крѣпость.

Булатову велѣли итти къ государю. Онъ вошелъ въ дверь и увидѣлъ издали идущаго къ нему навстрѣчу Николая Павловича.

До послѣдней минуты не зналъ онъ, какой изъ двойниковъ выскочитъ, что скажетъ и сдѣлаетъ.

Но произошло то, чего онъ меньше всего ожидалъ.

— Я преступникъ... вели разстрѣлять...—началъ онъ и вдругъ остолбенѣлъ, почувствовавъ, что его обнимаютъ, цѣлуютъ. Долго не могъ понять, что это; когда же, наконецъ, понялъ, что государь милуетъ его, прощаетъ, благодаритъ, называетъ своимъ «товарищемъ»,—ужасъ охватилъ его, больше всѣхъ прежнихъ ужасовъ. Онъ почти лишился чувствъ въ объятіяхъ государя . . . . . .

Очнулся опять уже въ крѣпости.

Зналъ, что умретъ; самъ себя осудилъ на смерть: нельзя человѣку жить, испытавъ то, что онъ испыталъ; но былъ спокоенъ и счастливъ: умретъ «за царя и отечество».

Исчезли двойники проклятые. Сердце его, простое и прямое, какъ шпага солдата, сломалось на-двое; но царская милость расплавила его, какъ молнія плавитъ желѣзо, и спаяла куски. Опять—одно сердце, чтобы любить одно: царя и отечество.

«Народъ, какъ несправедлива молва твоя! Какого вы хотите имѣть еще государя? А ты, Рылѣевъ, взгляни, чѣмъ я жертвовалъ для пользы отечества, которую ты не открылъ мнѣ... Куда ты велъ душу мою? Въ вѣчное мученіе... Но царь искупилъ ее... Боже, благодарю тебя!»—молился онъ и плакалъ отъ счастія.

Что милость царская, какъ милость Божья,—не сомнѣвался. Ужъ если такого злодѣя, какъ онъ, царь помиловалъ, то какъ же не помилуетъ и всѣхъ остальныхъ «невинныхъ преступниковъ»? Преступники, потому что возстали на царя; невинны, потому что возстали для «пользы отечества», сами не зная, что дѣлаютъ.

«Чувствую біеніе ангельскаго сердца его, и можно ли думать, чтобы государь, оказывающій милости ужаснѣйшимъ злодѣямъ, не захотѣлъ любви народной себѣ и блага отечеству?.. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ все... Но отъ кого узнаетъ онъ, что̀ нужно народу?»

К. С. Петровъ-Водкинъ.

Распятіе.

Отъ него же, отъ Булатова. Онъ поклялся довести до царя «ропотъ народа», сказать ему всю правду, не щадя ни его самого, ни любимцевъ его, и никого на свѣтѣ.

Обо всемъ этомъ писалъ онъ великому князю Михаилу Павловичу безконечныя письма.

На одномъ изъ такихъ писемъ государь сдѣлалъ собственноручную надпись карандашемъ:

«Дозволить ему писать, лгать и врать по волѣ его».

Велико было удивленіе Булатова, когда повели его къ допросу и онъ узналъ, что его будутъ судить. Не самимъ ли царемъ онъ помилованъ? Какой же судъ на царскую милость?

— Я виноватъ, но болѣе ни слова не скажу,—отвѣчалъ онъ судьямъ все одно и то же, а потомъ и совсѣмъ замолчалъ.

Ждалъ отвѣта отъ царя,—отвѣта не было. Онъ не могъ понять, что это значитъ. Если бы зналъ, что тѣ пятеро, которымъ суждена была висѣлица, тоже прощены, то попялъ бы.

Опять черныя мысли стали находить на него: неужели онъ ошибся? Прощенъ, но не помилованъ; или помилованъ, но не понятъ и презрѣнъ. Опять сердце, по тому же мѣсту, еще не зажившему, ломалось на-двое. Только что изъ ада—и снова въ адъ.

Наконецъ, не выдержалъ,—потребовалъ отвѣта.

«Боясь потерять разсудокъ, желая лучше лишиться жизни, прошу ваше императорское высочество исходатайствовать всемилостивѣйшаго утвержденія моего приговора. Онъ необходимъ. Безъ прощенія всѣхъ я свободы не принимаю... Ваше императорское высочество, умоляя васъ, прошу исходатайствовать свободу всѣмъ или мнѣ смерть. Избирайте любое».

«Il parle comme un fou. Je ne puis pour le moment rien pour lui». (Онъ говоритъ, какъ помѣшанный. Я сейчасъ ничего не могу для него),—надписалъ великій князь на этомъ письмѣ.

Положеніе было, дѣйствительно, трудное. Что дѣлать съ «помѣшаннымъ»? Скорая смерть была бы для него единственною милостью. Но не разстрѣлять же его безъ суда, какъ онъ этого требовалъ.

А Булатовъ продолжалъ вопить изъ своего ада. Уже не молилъ прощенія всѣмъ, а только себѣ казни,—иначе грозилъ покончить съ собой.

«Я имѣю случай найти тьму смертей: ножи, веревки, крючки, мой шарфъ и даже портупея могутъ прервать дни мои, но я не хочу употребить во зло великодушіе моего государя... Итакъ, прошу ваше высочество утвердить мой приговоръ, мною избранный: велѣть меня безъ замедленія разстрѣлять».

Булатова не разстрѣляли, и онъ понялъ, наконецъ, страшную истину.

«Съ 30-го числа (декабря), видѣвши ко мнѣ пренебреженіе государя и вашего высочества, началъ я готовиться къ избранной мною смерти: уморить себя голодомъ. И по моему разсчету, я долженъ кончить жизнь въ день Богоявленія (6 января) и очень желаю для блага моего государя и отечества сойти

въ могилу. Тогда, хотя тѣмъ, что говорилъ правду въ защиту невинныхъ преступниковъ и въ пользу отечества, возвращу доброе имя мое и не посрамлю креста моего».

Въ назначенный день началъ онъ голодать. Дня черезъ три такъ ослабѣлъ, что видно было, долго не выживетъ.

У Михаила Павловича было доброе сердце. Онъ посѣтилъ Булатова въ крѣпости, образумливалъ, убѣждалъ, умолялъ его, но, наконецъ, видя, что все безполезно, заговорилъ, какъ съ «помѣшаннымъ»: обѣщалъ исполнить просьбу его, если онъ согласится ужинать. Булатовъ согласился. Но уже плохо вѣрилъ.

«Я далъ слово вашему императорскому высочеству вчерашній день ужинать—и исполнилъ. Теперь ожидаю выполненія слова вашего высочества, чтобы завтрашній день исполнить мой приговоръ... 6-го числа, въ день Богоявленія, я уже никакихъ милостей не принимаю и даю клятву, если завтрашній день не рѣшится участь моя, во всемъ обманывать государя императора и ваше императорское высочество — и быть льстецомъ», т.-е. лжецомъ. Ложь за ложь, обманъ за обманъ.

Въ назначенный день, 5 января, Булатовъ не получилъ отвѣта и 6-го, въ день Богоявленія, снова началъ голодать.

Просилъ, чтобы ему позволили причаститься передъ смертью. Не позволили. Все еще надѣялись, что образумится. Установили строжайшій надзоръ. Жалѣли и мучили его. Ставили передъ нимъ самую вкусную пищу, самое свѣжее питье. Онъ ни къ чему не прикасался—только грызъ пальцы и сосалъ изъ нихъ кровь, чтобы утолить жажду.

Должно быть, его насильно кормили, потому что муки его продолжались дольше, чѣмъ онъ думалъ,—12 дней.

Какъ ни строгъ былъ надзоръ, онъ сумѣлъ обмануть сторожей. Вечеромъ 18 января, когда одинъ изъ нихъ вышелъ или задремалъ, Булатовъ разбилъ себѣ голову объ стѣну.

Его перевезли, еще живого, въ госпиталь. На слѣдующій день, 19 января, утромъ, онъ скончался. Причастилъ ли его добрый о. Петръ Мысловскій, духовникъ арестантовъ по дѣлу 14 декабря? Онъ такъ любилъ и жалѣлъ ихъ, что не побоялся бы взять грѣхъ на душу.

Булатовъ—«безумецъ»? Но нѣтъ ли такихъ предѣловъ человѣческой муки, которые кажутся тѣмъ, кто не испыталъ этихъ мукъ,—«безуміемъ»? Какъ бы то ни было, но въ послѣднія минуты сознанія онъ говорилъ слова небезумныя.

«Каждый христіанинъ, имѣя крестъ, долженъ нести его, ибо Самъ Спаситель несъ крестъ, данный Ему Отцомъ Его».

Вину своей гибели онъ бралъ всю на себя и никого не судилъ. «Не только не кляну тотъ день, въ который попалъ въ партію заговора, но въ послѣднія минуты жизни моей благословляю его и благодарю моего стараго товарища Рылѣева». И всѣхъ остальныхъ заговорщиковъ «желалъ бы обнять, какъ друзей». У Аракчеева, злѣйшаго врага своего, просилъ прощенія: «отомстя ему за ненависть къ русскому народу, прошу его прощенія, принося ему мое совершенное благода-

реніе, ибо одно имя его дало случай уловить меня въ сей заговоръ». Государю возвращалъ слово, которымъ онъ простилъ его.

Такъ умеръ этотъ «безумецъ».

Среди «невинныхъ преступниковъ» 14 декабря есть много людей болѣе сильныхъ и свободныхъ духомъ, чѣмъ Булатовъ; но нѣтъ ни одного болѣе чистаго сердцемъ, и кто бы такъ страдалъ, какъ онъ.

«По послѣднюю минуту дыханія моего люблю отечество и народъ русскій и за пользу ихъ умираю самою мучительною смертью».

Онъ это сказалъ и сдѣлалъ.

Д. Мережковскій.

ENCYCLICA

Есть обитаемая духомъ
Свобода—избранныхъ удѣлъ.
Орлинымъ зрѣньемъ, дивнымъ слухомъ
Священникъ римскій удѣлѣлъ.

И голубь не боится грома,
Которымъ церковь говоритъ:
Въ апостольскомъ созвучьѣ—Roma!
Онъ только сердце веселитъ.

Я повторяю это имя
Подъ вѣчнымъ куполомъ небесъ,—
Хоть говорившій мнѣ о Римѣ
Въ священномъ сумракѣ исчезъ!

О. Мандельштамъ.

АФОРИЗМЪ А. И. ГЕРЦЕНА

Вы собираете «афоризмы». Позвольте сообщить Вамъ одинъ.

Въ 1866 году началась война между Пруссіей и Австріей. Герценъ по этому поводу мечталъ о невозможномъ: «Мы отъ души желаемъ... гибели Австріи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, гибели Пруссіи. Желаемъ такъ, какъ желали бы, чтобъ будущая холера обошла нашихъ друзей и, если ей необходимо морить, уморила бы соглядатаевъ и доносчиковъ». («Колоколъ», 1 іюля 1866).

Это пожеланіе не блещетъ христіанскими чувствами, но, во всякомъ случаѣ, его нужно «заработать», какъ выражаются англичане. Правители Австріи и Пруссіи продолжали его «зарабатывать», по мѣрѣ силъ, въ теченіе послѣдняго полувѣка.

Евг. Тарле.

Н. К. Рерихъ. *Зарево.*

СЛУЧАЙНЫЕ РАЗГОВОРЫ

I

Должно быть во второй половинѣ 80-хъ годовъ Кальноки, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи, держалъ рѣчь въ делегаціяхъ. Очень много и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ говорилъ онъ о цѣнности союза съ Германіей, о наилучшихъ отношеніяхъ съ Италіей, нашелъ нѣсколько любезныхъ словъ для Англіи, Франціи; только относительно Россіи ограничился лакопической фразой:—отношенія съ Россіей вполнѣ нормальны. И ничего болѣе. Слова Кальноки обошли всю Европу и вездѣ породили тревогу за прочность мира.

Какъ разъ въ это время мнѣ пришлось проѣзжать черезъ южную Германію. Гдѣ-то при остановкѣ вошелъ въ мое купе—я сидѣлъ одинъ —довольно плотный нѣмецъ и по обычаю привѣтствовалъ меня:—Gut' Morgen!

Я отвѣчалъ тѣмъ же. Размѣстивъ свой ручной багажъ, главнымъ образомъ, какъ скоро оказалось, заключавшійся въ корзинѣ съ разными съѣстными запасами, нѣмецъ сейчасъ же завелъ со мной какой-то разговоръ. Очень мало понимая по нѣмецки, я отвѣчалъ, что не говорю по нѣмецки. Это видимо огорчило его; все же онъ не удержался отъ вопроса,—кто я и откуда.—Русскій туристъ.—Тутъ лицо моего спутника приняло замѣтно печальное выраженіе. Поѣздъ уже двигался; нѣмецъ вскрылъ корзину съ припасами и приготовился было начать свой завтракъ, но вдругъ остановился и, голосомъ полнымъ скорби, проговорилъ:

— Ахъ, русскіе, зачѣмъ вы непремѣнно хотите воевать съ нами!

Это неожиданное обращеніе заставило меня припомнить всѣ нѣмецкія слова, которыя еще сохранились въ памяти, и я отвѣтилъ:

— Совсѣмъ напротивъ, у насъ въ Россіи думаютъ, что это вы, нѣмцы, хотите воевать съ нами; а сами мы и не помышляемъ о войнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы, нѣмцы, рѣшительно ни съ кѣмъ не хотимъ воевать; зачѣмъ воевать?

Тогда я, насколько могъ, скомбинировалъ такую фразу.

— Я думаю, что народы вообще не хотятъ воевать, что войны могутъ желать только милитеры.

— Совершенно вѣрно, и къ несчастію, въ Германіи слишкомъ много милитеровъ! Да, слишкомъ много,—повторилъ нѣмецъ.

Послѣ этого мой спутникъ, видимо успокоенный на счетъ миролюбія Россіи, самымъ сердечнымъ образомъ сталъ угощать всѣмъ, что обильно заключалось въ корзинѣ, въ томъ числѣ и виномъ. Мы даже выпили за вѣчный миръ между народами, и не одинъ разъ выпили.

II

Въ 1895 г., въ концѣ августа, я возвращался въ Россію черезъ Берлинъ. Едва поѣздъ остановился на Ангальтскомъ вокзалѣ, какъ я замѣтилъ какія-то необычныя декораціи,—флаги, гирлянды. Проѣзжая по городу въ направленіи къ «Подъ липами», опять былъ пораженъ на каждомъ шагу флагами, арками, гирляндами. Въ отелѣ я прежде всего постарался узнать,—въ чемъ дѣло?—Послѣзавтра будетъ 25-й юбилей Седанской битвы.

Мое первоначальное намѣреніе было только переночевать въ Берлинѣ, но теперь рѣшилъ остаться, чтобы посмотрѣть, какъ нѣмцы будутъ справлять юбилей. На другой день фланирую по городу; самыми замѣчательными декораціями мнѣ показались витрины кондитерскихъ; онѣ были до чрезмѣрности заполнены сосисками, колбасами, свиными головами изъ шоколада.

Уставъ отъ прогулки, я присѣлъ на скамейку на Лейпцигской площади. Скоро я замѣтилъ, что противъ меня стоитъ какой-то монументъ, я подошелъ къ нему. Вижу—генералъ, но подписи не разыскалъ. Возвращаюсь на свою скамейку; оказалось, что и за ней тоже монументъ, тоже генералу, и опять не нашелъ подписи. Между тѣмъ рядомъ со мной помѣстился какой-то господинъ, не франтовски, но совершенно прилично одѣтый. Я обратился къ нему съ вопросомъ,—кому эти памятники?

— Не знаю,—пренебрежительнымъ тономъ отвѣтилъ онъ,—мало ли у насъ въ Берлинѣ понаставлено монументовъ разнымъ генераламъ.

Этотъ отвѣтъ подстрекнулъ мое любопытство, и я сказалъ:—У васъ завтра большое торжество?

— Да, но я за французовъ,—съ живостью отозвался мой сосѣдъ,—я сочувствую французамъ.

И въ доказательство вынулъ свои серебряные часы, правда, самые обыкновенные, но въ замшевомъ чехлѣ.

— Это я купилъ въ Парижѣ!

Тутъ я уже совсѣмъ осмѣлѣлъ и позволилъ себѣ вопросъ:

— А къ какой партіи вы принадлежите?

— Я изъ Vorwärts,—а вы?

— Русскій туристъ.

— У насъ много бываетъ русскихъ, хорошій народъ.

Такъ какъ мой незнакомецъ, хотя и плохо, но владѣлъ французскимъ языкомъ, то для продолженія бесѣды я уже собирался было пригласить его въ ближайшее кафе, какъ онъ всталъ, произнесъ: «Пора!» пожалъ мою руку и удалился.

И живъ ли онъ еще понынѣ?
Все такъ же ль бережно хранитъ
Свои парижскіе часы?

Л. Пантелѣевъ.

СВѢТЛЫЙ СОНЪ...

Свѣтлый сонъ, съ дѣтства близкій, Сладчайшій,
Взоромъ кротокъ и волосомъ русъ,
Агнца бѣднаго вновь обрѣтающій,
Ты, родимый, благой Іисусъ,

Сына блуднаго въ Лоно пріемлющій,
Источающій воду и кровь,
Всѣ грѣхи и все зло побѣждающій,
Сынъ Предвѣчный, Учитель, Любовь!

Для Тебя наши домы смиренные,
Эти темные ходы пещеръ,
Души бѣдныя, плѣнныя, плѣнныя,
Пламя радостныхъ, сладостныхъ вѣръ.

Мы возносимъ моленья безсильныя,
А на Западѣ гаснетъ закатъ,
Тучи, словно дыханья кадильныя,
Запѣваютъ рубиномъ: «Святъ, святъ!»

И въ селенія наши, Тишайшій,
Взоромъ кротокъ и волосомъ русъ,
Ты пройди, о родимый, Сладчайшій,
Сынъ Предвѣчный, Любовь, Іисусъ!

Дмитрій Крючковъ.

ВѢЧНЫЕ ЛОЗУНГИ

Есть слова, есть лозунги, которые всегда и во всѣ времена объединяли людей самыхъ различныхъ общественныхъ классовъ,—зажигали ихъ сердца, двигали на подвигъ. Таковъ лозунгъ — «отечество въ опасности!» Онъ одинаково понятенъ и близокъ—богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простымъ, счастливцамъ и неудачникамъ, высоко развитому интеллигенту и темному, неграмотному крестьянину или поденщику.

Въ дни мобилизаціи и начала войны, живя среди глухихъ деревень,—обездоленныхъ и угнетенныхъ,—я наблюдалъ, какъ вдохновлялись этимъ лозунгомъ сѣрые мужики, землеробы, какъ они въ самую горячую рабочую пору бросали хлѣбъ, неубранный съ полей, бросали свои семьи и съ глубокимъ убѣжденіемъ говорили: «Надо поскорѣе иттить—нѣмца вышибать». И, глядя на ихъ спокойныя, увѣренныя лица, невольно думалось: «Да, родина, отечество дорого всѣмъ,—даже и тѣмъ, для кого оно является не матерью, а злою мачехой...»

Честь и слава такимъ пасынкамъ,—ихъ такъ много у насъ на Руси!

А. С. Пругавинъ.

ДѢТИ БѢЖЕНЦОВЪ

— «Гдѣ твой отецъ?»—«Онъ ушелъ на войну».
— «А гдѣ твоя мать?»—«У Боженьки въ раю».
— «А твой отецъ гдѣ?»—«Онъ, говорятъ, въ плѣну»...
— «А твой отецъ гдѣ?»—«Убитъ въ чужомъ краю».
Сбились всѣ вмѣстѣ—испуганныя пташечки...
— «Подходите ближе... Не всѣ—по одиночкѣ».
Этой дадутъ въ мисочкѣ, этой дадутъ въ чашечкѣ,
Этому—въ тарелочкѣ, этому—въ горшочкѣ.
И тянутся ручки, худыя, дрожащія,
Маленькія ручки—къ чашкѣ деревянной.
Робко смотрятъ глазки, слезами блестящіе,
Съ улыбкою жалобной и не дѣтски странной.

Эти глазки видѣли... страшныя вещи.
Рушились кровли, кровь лилась потокомъ,
Пылали отсвѣты зарева, зловѣщи...
А они смотрѣли—въ ужасѣ глубокомъ.
Здѣсь они не плакали, матери не звали,
И стояли тихія, очень осторожно:
Мать ихъ не услышитъ... Они ужъ это знали...
Холодно на улицѣ: здѣсь погрѣться можно.
Тамъ звучали выстрѣлы, разрушались зданія,
Сокрушались крѣпости, гибли города,—
Здѣсь же было море невиннаго страданія:
Бурей—малыхъ птенчиковъ смело изъ гнѣзда.
Ихъ на мигъ пригрѣла чья-то мать,—чужая,—
Имъ дала немного ласки и защиты...
Думала, головки темныя лаская:
«Мои—пока здоровы... Мои—покамѣстъ сыты».
Стоятъ они, покорныя, крошечныя, блѣдныя,
Съ той, кто рѣжетъ хлѣбъ,—они не сводятъ взгляда.
И тянутся ручки, дрожащія, бѣдныя...
Птенчики голодные! Много ли имъ надо?
«Гдѣ ты живешь?»—«Сожгли нашъ бѣлый домъ»...
— «А гдѣ же твой домъ?»—«Его нѣтъ у меня».
— «Гдѣ же ты спишь?»—«Далеко... Подъ мостомъ».
— «Гдѣ же ты ѣла?»—«Не ѣла два дня»...
Спутанные волосы... Рваныя рубашечки...
Глазки эти грустные... Худенькія щечки...
Этой дали въ мисочкѣ, этой дали въ чашечкѣ,
Этому—въ тарелочкѣ, этому—въ горшочкѣ.

Т. Щепкина-Куперникъ.

ЗОЛОТОЙ СТОЛБЪ

Сказка*

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Изба ихъ стояла у озера и такая древняя, давнымъ бы давно развалилась, да большой толстый столбъ по середкѣ подпиралъ потолокъ, на немъ все и держалось. Старики только Бога благодарили.

И сколько лѣтъ стоялъ столбъ, держалъ избу, и ничего, и вдругъ заговорилъ.

— Я поповъ сынъ!—сказалъ столбъ.

Такъ сказалъ въ первый разъ на Благовѣщеніе, потомъ подъ Пасху и въ третій разъ на Рождество.

— Я поповъ сынъ!

Старики не знали, что и думать. Сколько лѣтъ жили, а такого, чтобы бревно заговорило, никогда не слыхали. И почему вдругъ заговорило?

И ужъ пробовали старики сами со столбомъ заговаривать, то старикъ подойдетъ, то старуха, а то и вмѣстѣ примутся приставать, но столбъ стоялъ, какъ стоялъ, поддерживалъ потолокъ да крышу.

— Должно, къ бѣдѣ какой!—рѣшили старики.

И вотъ въ Ильинъ день разразилась гроза съ большимъ ливнемъ, и ливнемъ до чиста смыло все: ни бревна, ни щепинки,—пустое мѣсто,—прощай избушка! И какъ еще старики-то уцѣлѣли! И пришлось имъ на старости лѣтъ искать себѣ другое мѣсто.

А стояла неподалеку старая заброшенная чернал баня, баню вѣкъ не топили, въ ней старики и поселились.

Старикъ и говоритъ старухѣ:

— Пойду-ка я, Ондревна, по бережку поброжу, посмотрю нашъ столбикъ: унесло его водой къ попу или тутъ гдѣ прибило?

А тѣмъ временемъ поповъ сынъ старшой проѣзжалъ по берегу, увидѣлъ толстенное бревно—столбъ стариковъ, думаетъ себѣ:—«На дрова годится!»—забралъ къ себѣ на телѣгу и повезъ къ отцу въ домъ на другой конецъ озера.

Пришелъ старикъ къ берегу. Утихло озеро, и весь берегъ открытый лежалъ. Но сколько ни ходилъ старикъ, сколько ни смотрѣлъ, слѣдъ какъ будто и былъ, а столба никакого. И вдругъ увидѣлъ по слѣду въ колдобинѣ золото—десять золотыхъ.

---

* Въ основу положена армянская народная сказка. Мнѣ ее передалъ Н. А. Чернявскій, а ему сказывалъ Аршакъ сторожъ въ Бакурьянахъ (Красная церковь), толмачемъ былъ сынъ священника Валеріанъ Іасоновичъ Лобадзе.

И. Е. Рѣпинъ. *В. М. Гаршинъ въ гробу.*

Вотъ чудеса! Подобралъ старикъ золото и домой въ свою баню. И говоритъ старухѣ:

— Столба нѣтъ, а вотъ тебѣ принесъ что.

Старуха взглянула, да такъ и ахнула.

— Золото!

— Десять золотыхъ. На-ка, посчитай.

Сосчитала старуха, вѣрно,—десять.

— Я, старуха, къ попу навѣдаюсь, посмотрю на столбъ, знать, къ нему попалъ!

И на другой же день снарядился старикъ. Приходитъ на поповъ дворъ, а у сарая подъ навѣсомъ лежитъ столбъ. Узналъ его старикъ, какъ не узнать, столько лѣтъ!

— Ну, такъ я и думалъ, и недаромъ говорилъ онъ: «Я поповъ сынъ!»—такъ и есть поповъ!

Во дворѣ, кто съ чѣмъ,—поповы ребята по хозяйству управлялись. Поздоровался съ ними старикъ и говоритъ:

— Принесите мнѣ, ребята, пилу.

— На что тебѣ, старикъ, пила?

— А вотъ этотъ столбъ пилить, онъ у насъ въ избѣ много лѣтъ стоялъ, избу поддерживалъ. Распилите его съ концовъ, а зачѣмъ, сами увидите.

Послушали старика, принесли пилу.

И какъ стали ребята столбъ пилить, пила скрыпъ да скрыпъ, а на землю золото. И что же вы думаете,—полонъ столбъ золота!

— Откуда это ты узналъ, старикъ?

Тутъ имъ старикъ разсказалъ, какъ трижды говорилъ столбъ: «Я поповъ сынъ!»—да невдомекъ было, къ чему, одно, что недаромъ.

Вышелъ и самъ попъ, а былъ онъ человѣкъ справедливый.

— Твое счастье старикъ, бери половину.

А старикъ и слышать не хочетъ: не его столбъ, не ему и золотомъ владѣть. Да и страшно: столбъ-то не простой. И сколько ни уговаривали: уперся старикъ, и ни по чемъ! Даже осерчалъ, и ушелъ домой.

Жалко стало попу старика, зналъ попъ,—старикъ въ большой нуждѣ. Вотъ и придумалъ онъ, какъ подѣлиться добромъ: велѣлъ невѣсткамъ испечь каравай, вынуть весь мякишъ и набить хлѣбъ золотомъ. Отъ хлѣба грѣшно отказываться, приметъ старикъ хлѣбъ, будетъ и у старика золото.

Невѣстки постарались, и на другой же день были готовы двадцать караваевъ. Попъ понапихалъ въ нихъ золота—половину всего золота, и отрядилъ ребятъ къ старику. Наложилъ каждый по пяти караваевъ въ кошель и понесли.

И случись такой грѣхъ по дорогѣ, и оставалось-то всего ничего до стариковой бани,—напали разбойники.

— Чего несете?—остановили разбойники.

Поповы ребята не сплошали.

— Несемъ,—говорятъ,—хлѣбъ одному бѣдному старичку.

— Покажи!

Развязали кошель—и точно хлѣбъ. Развязали другой—и тамъ хлѣбъ.

А были разбойники очень голодны, отъ хлѣбнаго-то духа еще больше засосало.

— Давайте, братцы,—говоритъ самый ихъ разбойникъ главный,—давайте закусимъ хлѣбца!—взялъ одинъ каравай, разломилъ, а изъ него золото.

Ну, тутъ разговаривать много не стали, живо всѣхъ до одного положили, и ускакали съ богатой добычей.

Насталъ вечеръ, а сыновей все нѣтъ и нѣтъ. Забезпокоился попъ, давно бы имъ пора домой. А потомъ подумалъ,—вѣрно, старикъ угостилъ ихъ и ночевать оставилъ. И легъ спать. На утро по обѣднѣ сѣлъ попъ чай пить: вотъ придутъ! А ихъ все нѣтъ. Встревожился,—не бѣда ли?—вышелъ изъ воротъ посмотрѣть, и пошелъ по дорогѣ, и увидѣлъ: лежатъ на дорогѣ и всѣ четверо мертвы.

Поплакалъ, потужилъ отецъ, похоронилъ сыновей. Не надо ему теперь и золота.

— Эхъ,—думалъ попъ,—было бъ мнѣ отдать старику все золото,—его столбъ, не случилось бы бѣды!

А старикъ со старухой все въ банѣ своей, задумали старики припрятать куда поскрытнѣй свое золото—десять золотыхъ—не ровенъ часъ, разбойники!—и припряталъ старикъ. А какъ-то хватились провѣрить,—туда-сюда,—и хоть убей, не помнитъ. Такъ и запраторилъ.

— Эхъ,—думалъ старикъ,—было бъ мнѣ отдать попу золото,—его столбъ, не случилось бы бѣды!

А разбойники съ голодухи тогда объѣлись хлѣбомъ и до табора не доѣхали, порастеряли золото,—такъ прахомъ все и пошло.

Алексѣй Ремизовъ.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

I

Уже не прозрачна
Лазурь ея дѣвственныхъ глазъ.
Въ нихъ что-то мерцаетъ мрачно,
Что-то таится отъ насъ.

Какъ-то мнѣ странно,
Когда затрепещетъ, нахмурится бровь
Надъ взоромъ, въ которомъ мерцанье туманно,
Межъ тѣмъ, какъ уста улыбаются вновь.

Улыбаются, только тревожно
Бьется жилка на этой щекѣ,
Словно боится, что неосторожно
Она прикоснется къ чьей-то рукѣ.

Страхъ затаился подъ темныя рѣсницы,
Незаконнымъ желаньемъ взволнована грудь,
Лукавыя, синія смѣются зарницы,
А молніямъ стыдно и страшно сверкнуть.

II

Она не такая, какъ я,
У нея и вся жизнь не такая.
Я—черный и злой, какъ змѣя,
А она, какъ солнце, золотая.

У нея небеса свѣжи и легки,
Ясныя зори—ея щеки,
И струятся отъ бѣлой руки
Сладкихъ благовоній потоки.

Надо мною горючъ небосводъ,
У меня все длинныя дороги,
Солнце огнемъ меня жжетъ,
Земля томитъ мои ноги.

III

Ты вся горѣла нетерпѣньемъ,
Искала вѣрнаго пути,
И заразилась опасеньемъ,
Что въ жизни цѣли не найти.

Съ тоской мучительной и жадной
Послѣдній призракъ ловишь ты
Когда-то свѣтлой и отрадной,
Теперь тускнѣющей мечты.

Тебѣ казалось, что въ ней сила
Несокрушимая была;
Но жизнь мечту твою разбила,
И что взамѣнъ тебѣ дала?

Въ твоей душѣ растетъ тревога,
Ты видишь въ жизни только ложь,
И разумъ повторяетъ строго,
Что вмѣсто свергнутаго бога
Иного ты ужъ не найдешь.

Ослѣплена житейской ложью,
Ты вся склонялась къ божеству,
Ко Мнѣ жъ итти по бездорожью
Еще не хочешь,—не зову.

IV

Ты къ сплетнямъ людскимъ равнодушна,
Судьбѣ, какъ раба, ты послушна.

Движенья увѣренно стройны,
Черты твои строго спокойны.

Но вѣрить ли этимъ примѣтамъ?
Давно ты боролась со свѣтомъ,

Давно ужъ во мракѣ ненастья
Не знаешь ни ласки, ни счастья...

И море, затихнувъ отъ бури,
Блеститъ отраженьемъ лазури,

Но стихла ли въ безднѣ тревога,
Спроси, если смѣешь, у Бога.

V

Въ домѣ шатки половицы,
Въ небѣ блещетъ яркій дискъ.
Докучаетъ голосъ птицы,
Скучно-звонкій визгъ и пискъ.

Глазъ не зорокъ и не мѣткъ.
Душенъ тѣлу вѣчный плѣнъ.
Кто же хочетъ этихъ клѣтокъ,
Этихъ оконъ, этихъ стѣнъ?

VI

Какая тишина! Какою лѣнью дышетъ
Дремотный садъ!
Какою радостью безпечной пышетъ
Его закатъ!

Мой старый кленъ, ты прожилъ много,
Но что ты разсказать бы могъ?
Спокойна и убога,
Передъ тобою сѣть дорогъ.

Поникъ ты старыми вѣтвями
Надъ одинокою скамьей.
Весенними ночами
Ты слушалъ рѣчи страсти молодой?

Видалъ ты здѣсь потайныя свиданья?
Хранилъ ты на корѣ своей
Слѣды ножа,—нѣмыя начертанья,
Понятныя лишь ей?

Скучающій старикъ, едва ли
Въ твоей тѣни
Слова любви звучали,
Едва ли пролетали
Ликующіе дни.

Вотъ сыплетъ ночь движеніемъ нескорымъ
Рой звѣздъ на небѣ блѣдно-голубомъ,
И блѣдная луна надъ косогоромъ
Взошла серпомъ.

Заснувшая беззвучно деревушка
Такъ ярко вся луной озарена,
Что каждая лачужка,
Какъ на столѣ красивая игрушка,
Мнѣ въ ней отчетливо видна.

Загадочныя силы!
Когда взойдетъ надъ ними день?
Темнѣе сумрака могилы
Ихъ обнимающая тѣнь.

VII

Пришли уставленные сроки,
И снова я, какъ рабъ, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.

Потомъ унылый вечеръ будетъ,
И какъ мнѣ милый трудъ свершить,
Когда мечты мои остудитъ
Все, что придется пережить!

Потомъ полночныя печали
Придутъ съ безумною тоской,
И развернутъ нѣмыя дали,
Гдѣ безнадежность и покой.

VIII

Такъ жалки, такъ убоги!
Безжалостенъ и строгъ!
Измять босыя ноги
Безмѣрностью дорогъ.

Твои ли, наши ль муки,
О, какъ намъ разгадать!
Корой мозольной руки
Зачѣмъ-то заковать.

Невинная стихія!
Тебя ль къ Суду привлечь?
Вложить въ уста людскія
Такую злую рѣчь.

IX

Онъ пѣсни пѣлъ, плѣнялъ онъ дѣвъ,
Владѣлъ и шпагой, и гитарой.
Пройдетъ,—и затихаетъ гнѣвъ
У вѣдьмы, даже самой ярой.

И женъ лукавая хвала,
И дѣвъ мерцающіе взоры!
Но бойтесь,—у богини зла
Неотвратимы приговоры.

Она предстала передъ нимъ
Въ обличьи лживомъ дѣвы нѣжной.
Одежда зыблилась, какъ дымъ,
Надъ дивной грудью бѣлоснѣжной.

Онъ былъ желаньемъ уязвленъ,
Она коварно убѣгала,—
За ней бѣжалъ все дальше онъ,
Держась за кончикъ покрывала,—

И увлекла въ долину бѣдъ,
И скрылась на заклятомъ брегѣ,
И на проклятый навій слѣдъ
Онъ наступилъ въ безумномъ бѣгѣ.

И цвѣтъ очей его увялъ,
И радость жизни улетѣла,
И тяжкій холодъ оковалъ
Его стремительное тѣло.

И таетъ жизнь его, какъ дымъ.
Въ тоскѣ бездѣйственно-унылой
Живетъ онъ, блѣдный нелюдимъ,
И только ждетъ онъ смерти милой.

В. Я. Суреньянцъ. *Эскизъ плаката для сбора «Петроградъ—Армянамъ».*

X

Смерть не уступитъ,—
Что ей наши дни и часы!
И какъ мнѣ ее не любить!
Ничто не иступитъ
Ея быстролетной косы,—
Какъ отрадно о ней ворожить!

Можетъ быть, на порогѣ
Стоитъ и глядитъ на меня,
И взоръ ея дологъ и тихъ,—
И о смертной дорогѣ
Мечтаю, голову склоня,
Забывъ о томленьяхъ моихъ.

XI

Иныхъ не вѣдая міровъ,
Иныхъ міровъ не стоя,
Мы на землѣ найдемъ покровъ
Отъ тягостнаго зноя.

Вода, которая течетъ,
Милѣй воды стоячей.
Пастухъ стада свои пасетъ
Не на скалѣ горячей.

Въ полдневный зной пріятна тѣнь,
И веселитъ прохлада,
Но краше ночи ясный день,
Лобзанья слаще яда.

Все это такъ, не спорю я,
Согласно все пріемлю.
Такъ сладокъ воздухъ бытія
Тому, кто любитъ землю.

Не вѣдая міровъ иныхъ,
Міровъ иныхъ не стоя,
Мы обрѣтемъ въ вѣкахъ земныхъ
Всѣ радости покоя.

XII

Благоуханье по веснѣ,
Въ прозрачной ночи трепетанье,
Лучи отъ звѣздъ, и блескъ въ лунѣ,
Въ рѣкѣ порожистой журчанье,
И вѣтеръ, нѣжное дыханье,
Подъемлетъ шопотъ по волнѣ,
И ты, полночное мечтанье,
Опять разбужено во мнѣ.
Опять въ душѣ встаетъ тревога,
И совѣсть повѣряетъ строго
Всю жизнь безумную мою,
Но то, что было горькимъ чадомъ,
Теперь блаженнымъ стало ядомъ,
И этотъ ядъ я тихо пью.

XIII

Мнѣ короли сказали:
— О чемъ твоя печаль?
Сложи воздушныя вуали,
И къ берегу причаль.—

И я смиренно отвѣчала:
— Простите, короли,
Въ моей ладьѣ причала
Для темной нѣтъ земли.

— Быть можетъ, васъ я опечалю,
Четыре короля,
Но я туда причалю,
Гдѣ милая земля.

— Уста мои не алы,
И кормчій мой усталъ,
А вы откройте залы
Для дѣвъ, мечтающихъ про балъ.—

Растроганный моей печалью,
Одинъ изъ королей
Сказалъ мнѣ, что за далью
Есть много кораблей,

И всѣ зарею алой
Къ невѣдомой землѣ
Пойдутъ за мною, за усталой,
Тоскующей во мглѣ.

И я, сплетя вѣнокъ азалій,
Послала королю
Сказать изъ милыхъ далей,
Что я его люблю,

Но для его сѣдыхъ мятелей,
Въ его нѣмую мглу
Я не сойду съ качелей,
Поющихъ мнѣ хвалу.

XIV

Съ неистощенной радостью проснусь,
И снова стану ясно молодъ,
И ты забудешь долгій холодъ,
Когда къ недолгой жизни я вернусь.

Цѣлуя милое лицо
Для счастья вновь ожившими устами,
Тебя потѣшу зыбкими мечтами,
Сплетя ихъ въ свѣтлое кольцо.

Ѳедоръ Сологубъ

Б А Б У Ш К А

Поздній вѣтеръ, пролетая,
Глухо ухнулъ за стѣной.
Вяжетъ бабушка сѣдая
Шарфъ на спицахъ шерстяной.

А часы въ футлярѣ темномъ
Мѣрятъ время въ тишинѣ.
Вяжетъ въ чепчикѣ огромномъ
Тѣнь старушки на стѣнѣ.

Примостилась компаньонка
Рядомъ, карты разложивъ.
Дребезжащій голосъ тонко
Повторяетъ: «Живъ онъ, живъ!

Бубны—вамъ письмо—направо,
Дамы были, но вдали.
Слѣва трефы—это слава,
И тузы кругомъ легли».

«А зачѣмъ же здѣсь пиковка?»
«Путь далекій, можетъ быть».
И гадалка хочетъ ловко
Пику бубною прикрыть.

Вдругъ звонокъ прозвякалъ громко.
На лицѣ старушки—страхъ.
Прибѣжала экономка
Съ телеграммою въ рукахъ.

Что тамъ скрыто: радость? лихо?
Чепчикъ бабушки поникъ.
Компаньонка шепчетъ тихо:
«Тузъ бубенъ... десятка пикъ».

П. Соловьева (Allegro)

ЗА ТВОРЧЕСТВО!

Я считаю назначеніемъ человѣка — быть творцомъ.

Передъ нами—наша прекрасная родина, гдѣ сочетаются всѣ климаты, родина съ многомилліоннымъ населеніемъ, населеніемъ, доказавшимъ на протяженіи своей исторіи свою энергію, свое творчество!..

И мы должны нарисовать на этомъ полотнѣ новыя картины, пусть будутъ видны въ нихъ слезы и страданія русскаго народа!

Мы должны пробудить въ себѣ былые инстинкты творчества, и тогда откроются передъ нами нѣдра земли и вскроютъ передъ нами свои спящія богатства, и мы сбросимъ тогда съ себя ярмо нищеты и бѣдности, и, гордые и счастливые, мы всѣ, отъ мала до велика, поднимемъ свои очи къ Небу, создавшему это солнце, эту синеву небесъ.

Возьмемте жъ забытый рѣзецъ и изсѣчемъ имъ новыя формы жизни, зажжемъ въ себѣ свѣтильникъ творчества, и пусть въ немъ огонь не угасаетъ!

Огнемъ нашего сердца, нашего духа освѣтимъ міръ, пусть вокругъ насъ станетъ свѣтлѣй, и всякій, кто соприкасается съ нами, почувствуетъ тогда ту теплоту, которая будетъ разливаться вокругъ насъ изъ нашего «я»!..

Борясь въ жизни за осуществленіе нашихъ святыхъ грезъ и мечтаній, мы должны побѣждать или ломаться, но не сдаваться!

Ив. Озеровъ.

МЫ ЖАЖДЕМЪ БОРЬБЫ...

Мы жаждемъ борьбы, мы въ борьбѣ не уступимъ!
Предъ силою зла не смирясь,
Цѣной своей жизни свободу мы купимъ,
За право и правду борясь!
Погибнемъ—съ любовью, умремъ, не жалѣя
На битву потраченныхъ силъ:
Какъ яркое солнце, засвѣтитъ идея,
Міръ всѣмъ будетъ дорогъ и милъ.
Сомкнемся тѣснѣй! Всѣ раздоры забудемъ
И руки другъ другу дадимъ!
Мы въ мірѣ и вѣру, и совѣсть пробудимъ
И въ мощной борьбѣ побѣдимъ!

Анатолій Кремлевъ.

Я НЕ ВѢРЮ ТОМУ, ЧѢМЪ ЖИВУ И ТОМЛЮСЬ...

Я не вѣрю тому, чѣмъ живу и томлюсь,
Ни о чемъ не скорблю, ничего не боюсь,
Прошлой жизни не жаль, а грядущей не жду,
Можетъ быть, вознесусь, можетъ быть, упаду.

Все приму, все могу пережить до конца,
И не надо изъ лавра иль терній вѣнца,
Ни креста, ни меча, палачей иль рабовъ,
Ни хвалы, ни хулы, ни судьи, ни льстецовъ.

Только бъ знать, что теперь я во снѣ вижу сонъ,
Что пѣтухъ не пропѣлъ и предутренній звонъ
Съ колоколенъ еще не раздался вокругъ,
Что утончится мгла и разсѣется вдругъ.

Только бы знать, что не все расплылося, какъ марь,
Чѣмъ гордились мы встарь, и создатель и тварь,
И не все навсегда ниспровергнуто въ прахъ,
Что горѣло въ сердцахъ и зажглось въ небесахъ;

Но на часъ, иль на день, иль на тысячу лѣтъ
Протянулася ночь и замедленъ разсвѣтъ,
А затѣмъ—послѣ насъ, но не все ли равно?—
Будетъ въ мірѣ опять лишь слѣпому темно.

С. Рафаловичъ.

ПИСЬМО ХОРОШЕЙ ДѢВУШКИ

Милый, добрый! Пожалѣйте
Бѣдную свою «пичужку»:
Мельницу сломали нашу,
Нашу честную старушку...

Больно, тяжко, безтолково...
Все былое рушатъ, губятъ...
Люди ничего святого,
Дорогого намъ, не любятъ...

Знали бъ Вы, какъ я тоскую!
Потоскуемте же вмѣстѣ...
Можетъ быть, теперь пивную
Выстроятъ на этомъ мѣстѣ?!

Пусть не смѣютъ! Я сломаю...
Отомщу за честь старушки...
Добрый! милый! Вы поймете:
Няня... мельница... игрушки...

Игорь Сѣверянинъ.

О, ДОЛГО ТЫ, ДУША, БЫЛА МЕРТВА...

О, долго ты, душа, была мертва,
Какъ молніей сожженная листва,—
Но богъ войны надъ дрогнувшей вселенной
Нежданно крылья черныя простеръ,—
И ты опять пылаешь, какъ костеръ,
И вновь живешь надеждой сокровенной,
Что тамъ—за мглою этихъ страшныхъ дней—
Заря блеснетъ, спугнувъ туманъ кровавый,
Надъ родиной воспрянувшей моей,
Увѣнчанной свободою и славой.

Ф. Червинскій.

ОГОНЕКЪ

Огонекъ мой маленькій!
Огонекъ мой аленькій!
Я тебя прикрою колпачкомъ-цвѣткомъ,
Чтобъ не разгорѣлся ты,
Чтобы тихо тлѣлся ты
И угасъ потомъ.

Огонекъ мой маленькій!
Огонекъ мой аленькій!
Знаю, что ты злобенъ, знаю, что могучъ,—
Разовьешься маревомъ,
Разольешься заревомъ,
Выше вышнихъ тучъ.

Мы, тобой зажженные,
Въ пламя раскаленные,
Между солнцъ померкшихъ солнцемъ пролетимъ,
Обратимъ вселенную
Въ щепоть праха тлѣнную,
Въ быстровѣйный дымъ.

Вотъ у злаго горна я,
Вся тебѣ покорная,
Кланяюся низко силѣ я твоей,—
Поклонись, мой аленькій,
Покорись, мой маленькій,
Также ты моей.

Тэффи.

П. А. Шиллинговскій.

Видъ Балканъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. І. Чулковой.

I.

Двѣнадцать лѣтъ ковали мы любовь,
Легко намъ иго Божьей благодати,
И часъ насталъ—припоминаемъ вновь
Дни буйные мученій и объятій.

Мы старые. Стучится осень въ дверь,
И—тихая—предстанетъ на порогѣ,
А ты дай руку мнѣ и мудро вѣрь,
Что жизнь, любовь и смерть—въ Распятомъ Богѣ.

Пусть шепчетъ листопадъ. Ты не страшись,
Смерть смертію поправъ, и мы воскреснемъ.
Взгляни, вдали синѣетъ дивно высь.
Пусть скоро ночь. Мы утро встрѣтимъ пѣсней.

II.

Не растревожимъ словомъ громкимъ
Осенних дней пугливой красоты.
Восточныхъ варваровъ строптивые потомки,
Сумѣемъ полюбить смиренье простоты.

Тамъ буйная тайга—здѣсь грустные платаны;
Тамъ пламенный восторгъ—здѣсь тишина любви.
Мы знали міръ отъ страсти пьяный,
Міръ на крестѣ и міръ въ крови.

А этотъ міръ прозраченъ, какъ лампада,
И осень, какъ огонь, за хрусталемъ красна...
А за оградой зыбкой сада
Какое золото осенняго вина!

Георгій Чулковъ.

ВЪ ПЛѢНУ

Вражда и ненависть охватили собою отношенія народовъ, долго соперничавшихъ въ завоеваніи благъ культуры. Сыпятся взаимныя обвиненія. Наименѣе обидное изъ прозвищъ, какими враждующіе осыпаютъ другъ друга,—прозвище «варваровъ». Наиболѣе смѣлые и не помнящіе родства не отступаютъ и передъ словомъ «людоѣды». На моемъ вѣку я былъ свидѣтелемъ многихъ войнъ: франко-прусской, русско-турецкой, японской. Никогда страсти не выступали такъ рѣзко; никогда люди разныхъ націй, привыкшіе цѣнить и уважать другъ друга, не забывали такъ охотно взаимныхъ обязательствъ. Въ 1871 г. Ренанъ и Штраусъ спорили между собою по вопросу объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Но это былъ корректный обмѣнъ мыслей по раздѣляющему ихъ вопросу. Каждый отстаивалъ свою точку зрѣнія, не умаляя значенія противника и того народа, къ которому онъ принадлежитъ. Ренанъ продолжалъ считать своими духовными родителями и Канта, и Гете. Штраусъ ни мало не отрицалъ услугъ, оказанныхъ романскими народами и въ частности французами духовному прогрессу человѣчества.

Теперь не то. Въ глазахъ нѣмецкихъ писателей англичане потеряли значеніе народа-освободителя. Это мелкіе торгаши, готовые принесть благо человѣчества въ жертву своей страсти къ наживѣ, англичане въ свою очередь забыли, что Германія — страна гуманизма, и не видятъ въ ней ничего иного, кромѣ опаснаго очага для мира и благоденствія народовъ Европы и отдаленныхъ континентовъ. Метерлинкъ и Роланъ говорятъ о нѣмцахъ, какъ о новыхъ гуннахъ, а нѣмцы не знаютъ для русскихъ другого прозвища, кромѣ «варвары». Цвѣтъ науки и искусства забылъ, что знаніе и творчество не вѣдаетъ географическихъ границъ. Члены академій исключаютъ изъ своей среды иностранцевъ; на концертахъ не слышно болѣе музыки враждующихъ съ нами народовъ,—исключеніе допускается развѣ для старыхъ композиторовъ, какъ Бахъ и Бетховенъ.

Тѣмъ интереснѣе отмѣтить тѣ немногія проявленія альтруистическихъ чувствъ въ сношеніяхъ писателей и общественныхъ дѣятелей разныхъ странъ, которыхъ являешься свидѣтелемъ и которыя мнѣ, въ частности, пришлось испытать. Я провелъ семь съ половиною мѣсяцевъ какъ бы заживо погребеннымъ, отрѣзаннымъ отъ всякаго общенія съ родиной, не способнымъ сказать слова о текущихъ дѣлахъ ни въ собраніяхъ, ни съ каѳедры, ни въ печати. Письма и телеграммы или вовсе не доходили до меня, или доставляемы были мнѣ съ помарками, по предварительномъ прочтеніи ихъ военными и гражданскими властями. Установленный въ Ав-

стріи съ начала войны мораторіумъ оставилъ застрявшихъ на «теплыхъ водахъ» безъ денегъ или со скромными подачками изъ собственныхъ вкладовъ въ размѣрѣ пяти, много десяти процентовъ. Не хватало средствъ для оплаты квартиры и пищи; наступившая осень застала насъ въ лѣтнихъ костюмахъ; пришлось ограничиться подкладкой ваты подъ пальто.

И въ этотъ-то моментъ внезапно наступившей безпомощности неожиданно сказалась возможность добрыхъ товарищескихъ отношеній между гражданами враждующихъ націй. Немногихъ строкъ было достаточно, чтобы побудить извѣстнаго чешскаго депутата Крамаржа къ снабженію меня деньгами до конца войны. Образовавшіеся въ Швейцаріи и Италіи комитеты помощи гражданскимъ плѣннымъ и такъ называемымъ въ Австріи заложникамъ поспѣшили проявить свою дѣятельность, посылая намъ запросы о нашемъ здоровьѣ и имущественномъ положеніи. По возвращеніи на родину я нашелъ въ присланныхъ мнѣ вырѣзкахъ изъ иностранныхъ газетъ текстъ моего отвѣтнаго письма профессору Грасси, обратившемуся ко мнѣ изъ Рима отъ имени итальянскаго комитета съ предложеніемъ своихъ услугъ. Текстъ этотъ отпечатанъ въ наиболѣе распространенной генуэзской газетѣ «Caffaro». Онъ гласитъ въ буквальномъ переводѣ слѣдующее: «Профессоръ Ковалевскій сообщаетъ, что живетъ въ Карлсбадѣ въ сносныхъ условіяхъ и лишенъ одной возможности вернуться на родину. Онъ, не въ примѣръ другимъ русскимъ, попавшимъ въ Карлсбадъ для лѣченія, не былъ заключенъ въ тюрьму даже временно. Но у него отняли паспортъ и заставили ежедневно являться въ полицію. Профессоръ Ковалевскій высказываетъ свою искреннюю благодарность профессору Грасси и его товарищамъ, интересовавшимся судьбою гражданскихъ плѣнныхъ въ Карлсбадѣ».—Замѣтка появилась въ номерѣ отъ 13 ноября 1914 года. Сенаторъ Грасси—профессоръ торговаго права въ Римѣ. Въ числѣ членовъ комитета, имъ устроеннаго, мы находимъ и бывшаго президента Совѣта Министровъ Люццати, и рядъ другихъ итальянскихъ сенаторовъ, депутатовъ, профессоровъ, писателей и журналистовъ. Въ Швейцаріи, какъ я узналъ на дняхъ отъ секретаря временно закрытаго общества «Миръ» въ Петроградѣ, съ живымъ сочувствіемъ отнеслись ко мнѣ члены Бернскаго бюро, сдѣлавшіе необходимые шаги, направленные къ моему освобожденію. Изъ Норвегіи, куда перенесена дѣятельность постояннаго секретаріата при Междупарламентской Организаціи Мира, извѣстный Лангэ, отказавшійся годъ тому назадъ отъ поста министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы посвятить себя всецѣло задачамъ пацифизма, прислалъ мнѣ письмо съ рядомъ вопросовъ, меня касающихся, и съ предложеніемъ своихъ услугъ. Образованный русскими же въ Берлинѣ комитетъ по оказанію помощи гражданскимъ плѣннымъ, не ожидая моего запроса, доставилъ мнѣ пятьсотъ марокъ. Однохарактерныя предложенія сдѣланы были и изъ Женевы. И вся эта проникнутая чувствомъ солидарности агитація въ пользу плѣнныхъ и заложниковъ вызвана была къ жизни никѣмъ инымъ, какъ печатью, печатью столько же русской, сколько и иностранной. Тѣ, кто раньше меня имѣлъ возможность вернуться на родину, разнесли вѣсть о моей «лютой долѣ» по всему пространству русской земли. Произведенный у меня обыскъ съ цѣлью открыть слѣды моей переписки «шифромъ» съ доселѣ неизвѣстнымъ

мнѣ полковникомъ Назимовымъ пріобрѣлъ въ глазахъ моихъ доброжелательныхъ соотечественниковъ характеръ какого-то мученичества. Заговорили о случившемся со мною обморокѣ и о пролитыхъ мною слезахъ. Въ безчувствіе я не впадалъ и слезъ не лилъ, а отправился вслѣдъ за обыскомъ на прогулку съ двумя прибывшими ко мнѣ изъ Франценсбада дамами, весьма запуганными не осуществившимся, къ счастію, обѣщаніемъ военнаго комиссара, что онѣ никогда болѣе меня не увидятъ. Мы поднялись, разумѣется, въ коляскѣ, на вершину Аберга, съ которой открывается далекій видъ на Эрцгебіургэ, пили кофе и шутили по поводу всего происшедшаго утромъ.

Темныя краски, какими были описаны причиненныя мнѣ въ Карлсбадѣ непріятности, ввели въ заблужденіе и нашего извѣстнаго писателя Амфитеатрова. Съ присущей ему отзывчивостью онъ выступилъ на мою защиту и обратился съ открытымъ письмомъ въ редакцію извѣстной римской газеты «Giornale d'Italia». Она отъ себя прибавила много теплыхъ словъ по моему адресу. Все или приблизительно все, сказанное Амфитеатровымъ, вѣрно въ примѣненіи, если не ко мнѣ, то къ болѣе молодымъ моимъ соотечественникамъ. Ихъ, дѣйствительно, «таскали» въ «Эгеръ», они провели не одну ночь на соломѣ; меня, за старостью лѣтъ и въ виду безрезультатности обыска, не терзали. Но, когда я обнаружилъ желаніе уѣхать въ Швейцарію и заручился для этого переданнымъ мнѣ по телефону разрѣшеніемъ швейцарскаго правительства, окружное начальство Карлсбада отняло у меня паспортъ, запретило выѣзжать изъ Карлсбада подъ угрозой тюремнаго заключенія и приказало, подъ той же угрозой, представляться по пятницамъ въ полицію. Я исполняю приказанія властей, когда они снабжены санкціей, и потому ни разу не думалъ привѣсить фальшивую бороду и выбраться изъ Австріи въ переодѣтомъ видѣ. Такъ какъ изъ Россіи приходили слухи о дурномъ обращеніи съ австрійскими плѣнными, то въ отместку стали ухудшать и нашу участь,—запретили выходить изъ дому послѣ 8 часовъ вечера и до 8 утра, грозили отнять право показываться въ ресторанахъ и на концертахъ, запретили банкамъ выдавать намъ изъ нашихъ вкладовъ болѣе тысячи кронъ въ мѣсяцъ. Этимъ, къ счастію, и ограничились. Обращеніе врачей все время было вѣжливое, отношеніе жителей уважительное, поведеніе членовъ медицинскаго персонала—активно-сочувственное. Они ѣздили въ Вѣну, представляли коллективныя ходатайства въ нашу пользу, какъ больныхъ, которымъ для исцѣленія прежде всего нужно спокойствіе духа, немыслимое при неволѣ. Они настаивали на томъ, что Карлсбадъ, какъ и всѣ лѣчебныя мѣста, должны быть своего рода убѣжищами. Мы въ свою очередь доказывали, и не безъ основанія, что городское управленіе, въ извѣстной степени, вовлекло насъ въ обманъ. Въ обнародованныхъ имъ обращеніяхъ къ лѣчащимся городской голова убѣждалъ ихъ остаться въ Карлсбадѣ, говоря, что нигдѣ имъ не будетъ покойнѣе. Сами владѣльцы домовъ и меблированныхъ комнатъ готовы были оказать намъ широкій кредитъ и ходатайствовать за насъ передъ властями, неразъ высказывая ту мысль, что треть Карлсбада построена на русскія деньги. Мѣстная печать не прочь была содѣйствовать нашему освобожденію и обнародовать составленный нами протестъ. Но всѣ эти усилія разбились, какъ о каменную стѣну, объ

упрямство вѣнскихъ военныхъ властей. Вредили намъ заявленія, сдѣланныя нѣкоторыми вернувшимися въ Австрію гражданско-плѣнными, что въ Россіи обращеніе съ ними было плохо. Одинъ изъ такихъ задержанныхъ помѣстилъ даже въ выходящемъ въ Прагѣ нѣмецкомъ органѣ печатное заявленіе о пользѣ не выпускать заложниковъ и по временамъ ухудшать ихъ положеніе съ цѣлью побудить русскія власти къ уступкамъ. Къ счастію, эти совѣты пока не были услышаны.

Тяжесть въ неволѣ чувствовалась особенно тѣми изъ насъ, кто и безъ того страдалъ разстроенными нервами, былъ оторванъ отъ всякой дѣятельности, не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, не имѣлъ поэтому возможности читать единственныя доступныя намъ австрійскія и германскія газеты и отъ нечего дѣлать проводилъ время въ безконечныхъ разговорахъ о томъ, какъ бы выбиться на свободу. Для нихъ многомѣсячное пребываніе въ курортѣ принимало характеръ настоящей пытки, и всякая невѣжливость властей принимала характеръ требующей отмщенія обиды.

Иностранная печать продолжала по временамъ напоминать о томъ, что я все еще въ плѣну, и доказывать всю безсмысленность задержки человѣка возрастнаго, негоднаго къ военной службѣ и терлющаго время попустому. Не рѣшаясь говорить того же, нѣкоторыя нѣмецкія и австрійскія газеты, въ которыхъ я годами ранѣе печаталъ свои статьи, не прочь были помѣстить обо мнѣ короткія замѣтки, сообщая, напримѣръ, объ утвержденіи Государемъ моего выбора въ Академію, причемъ онѣ, какъ это сдѣлала вѣнская «Neue Freie Presse», скорѣе оправдывали, чѣмъ хвалили поведеніе австрійскихъ властей по отношенію ко мнѣ. Сотрудники «Франкфуртской Газеты» справлялись обо мнѣ у секретаря городского совѣта, а американскіе органы печати присылали американскому консулу въ Карлсбадѣ своего рода вопросные пункты о томъ, какъ я себя чувствую, чѣмъ занимаюсь и не имѣю ли нужды въ деньгахъ.

Такъ какъ большинство посылаемыхъ намъ писемъ и телеграммъ до насъ не доходило, то мы долго оставались въ неизвѣстности, дѣлается ли что либо въ Россіи для нашего освобожденія. Изрѣдка проникали къ намъ съ радостью принимаемые темные намеки: «имѣемъ-де обоснованную надежду видѣть Васъ вскорѣ». Въ этомъ смыслѣ телеграфировалъ мнѣ мой дорогой товарищъ по Государственному Совѣту, А. В. Васильевъ, и то же писалъ мнѣ, но мѣсяцы спустя, Предсѣдательствующій въ нашемъ высшемъ законодательномъ собраніи. Одному изъ уѣхавшихъ удалось сообщить мнѣ изъ Румыніи короткую вырѣзку изъ одной одесской газеты. Въ ней значилось, что группа академиковъ, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей просила заступничества за меня испанскаго короля, что это заступничество имъ было обѣщано и что поэтому я вскорѣ буду на свободѣ. Это сообщеніе пришло ко мнѣ въ октябрѣ, а въ серединѣ февраля я все еще, какъ и другіе мои соотечественники, оставался въ неволѣ. Это было для всѣхъ насъ тѣмъ обиднѣе, что англичане и французы, попавшіе въ одинаковыя съ нами условія, давно были отпущены, благодаря энергичной дѣятельности американскаго посольства, которому они были поручены. Я попробовалъ переслать Предсѣдателю Совѣта Министровъ черезъ испанскаго посла въ Вѣнѣ письмо съ извѣщеніемъ, что австрійскія власти

не прочь обмѣнять насъ на консуловъ и консульскихъ служителей, задержанныхъ въ Россіи послѣ объявленія войны. Письмо мое пролежало въ посольствѣ болѣе мѣсяца, было, наконецъ, послано и все же не дошло по адресу. Вернувшись въ Петроградъ, я узналъ, что австрійскія власти предлагали обмѣнить меня на уніатскаго епископа изъ Львова и на графа Тарновскаго, члена вѣнской палаты господъ. На первое не послѣдовало согласія русскаго правительства, а второе не осуществилось за отказомъ Тарновскаго. Приватъ-доцентъ по геологіи при вѣнскомъ университетѣ, задержанный въ Ташкентѣ, предложилъ обмѣнять его на меня. Но, повидимому, онъ обмѣненъ былъ на другого или получилъ разрѣшеніе уѣхать безъ всякаго условія. Письмо его ко мнѣ, посланное изъ Ташкента, дошло до меня уже послѣ его возвращенія. Я сообщилъ ему въ отвѣтъ, что моя радость увеличится въ томъ случаѣ, если къ его свободѣ прибавится моя собственная. Онъ навелъ необходимыя справки и узналъ, что въ Вѣнѣ меня согласны обмѣнять только на консула. Открыли, наконецъ, въ Одессѣ и этого, многожеланнаго мною, консула; и вотъ, я снова здѣсь, окруженный со времени моего возвращенія всеобщей симпатіей, получающій сочувственныя письма и телеграммы изъ всѣхъ концовъ Россіи, незаслуженно чествуемый на столбцахъ газетъ и на банкетѣ. И все это происходитъ со мною въ то время, когда еще нѣсколько сотенъ русскихъ томятся, вѣроятно, болѣе меня въ неволѣ, не имѣя даже того утѣшенія, что расплачиваются ею за занимаемый ими постъ въ одномъ изъ высшихъ законодательныхъ учрежденій.

Между заложниками имѣются судьи, адвокаты, желѣзнодорожные служащіе, народные учителя, земскіе дѣятели, фабриканты и промышленники, люди старые и люди, хотя не отвѣчающіе 45-лѣтнему возрасту, но свободные отъ воинской повинности въ виду ихъ болѣзни. Всѣ они къ прочимъ недугамъ присоединяютъ постепенно новый—неврастенію. Многіе изъ нихъ рвутся домой, чтобы оказать посильную помощь раненымъ, чтобы обратить находящіяся въ ихъ завѣдываніи больницы въ лазареты, чтобы содѣйствовать своими взносами человѣколюбивой дѣятельности Краснаго Креста. Ихъ освобожденіе будетъ привѣтствовать несомнѣнно все русское общество; моя радость, въ частности, по случаю возвращенія на родину удесятерится, разъ я буду знать, что я не случайный избранникъ и потому не предметъ зависти и невольнаго раздраженія для тѣхъ, кто не по своей винѣ остался за рубежомъ. Печать и послушные ея голосу общественные дѣятели освободили меня изъ плѣна. На той же печати лежитъ обязанность содѣйствовать столь же счастливому исходу и для тѣхъ, кто остался назади. Не даромъ печать величаютъ «великой державой»; она останется ею, пока будетъ служить истинѣ, справедливости и гуманности.

Максимъ Ковалевскій.

ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ, ВЪ ШТИЛЬ, ПОДЪ ЭКВАТОРОМЪ

Le Temps, l'Etendue et le Nombre...
Leconte de Lisle.

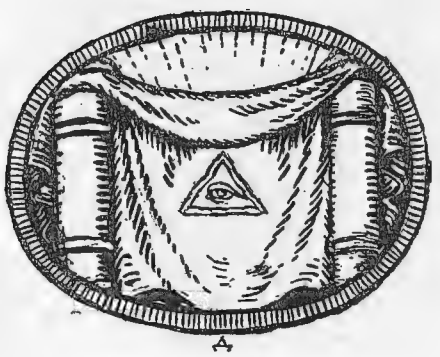
Время, Пространство, Число
Съ черныхъ упали небесъ
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Саванъ молчанья и тьмы
Ихъ поглотилъ безъ слѣда—
Время, Пространство, Число.

Тяжкимъ обломкомъ, нѣмымъ,
Падаетъ Духъ въ пустоту,
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Съ нимъ, погруженнымъ во тьму,
Тонутъ, зачатыя имъ,
Время, Пространство, Число
Въ морѣ, гдѣ мракъ и покой.

Ив. Бунинъ.



ЗЕМЛЯ И ВОЙНА

Изъ глубокой древности намъ сохранилось замѣчательное по своей прозорливости свидѣтельство о причинахъ, вызвавшихъ самую знаменитую и кровопролитную изъ «доисторическихъ» войнъ—троянскую. Мы находимъ его не у Гомера и вообще ни въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ сочиненій; это—отрывокъ изъ потерянаго эпоса, возникшаго въ VII в. среди греческихъ колонистовъ острова Кипра и носившаго поэтому его имя—«Кипріи». Вотъ этотъ отрывокъ:

Въ оные дни, тьмы смертныхъ, толпясь по великому тѣлу
Широкогрудой Земли, изнуряли праматери силу.
Видя мученья ея, пожалѣлъ ее Зевсъ; порѣшилъ онъ
Въ разумѣ крѣпкомъ своемъ облегчить всекормилицы ношу,
Пламень великой войны иліонской въ народахъ разжегши,
Дабы обузу расхитила Смерть. И у стѣнъ Иліона
Племя героевъ погибло—свершилася Зевсова воля!

Въ частности дѣло описывалось такъ:

Сама Земля жаловалась владыкѣ вселенной на все возрастающую тяжесть своей человѣческой ноши. Зевсъ совѣщается со своей сопрестольницей Ѳемидой о томъ, какъ ему исполнить справедливое требованіе праматери: истребить ли ему огнемъ перуна досаждающій ей излишекъ паселенія? Или наслать на него новый потопъ? Но его сомнѣнія разрѣшаетъ непрошенный гость олимпійскаго совѣта, Мефистофель античной религіи—Момъ (Mômos), духъ хулы и отрицанія. Къ чему насиліе? Развѣ у человѣка есть другой, болѣе яростный и гибельный врагъ, кромѣ человѣка? Пусть же Зевсъ сдѣлаетъ прекраснѣйшую изъ смертныхъ женъ, Леду, матерью еще болѣе прекрасной дочери, носительницы божественной красоты среди людей; пусть онъ затѣмъ наградитъ доблестнѣйшаго изъ смертныхъ витязей, Пелея, любовью богини Ѳетиды и сдѣлаетъ его отцомъ еще болѣе доблестнаго сына. Елена и Ахиллъ, сверхчеловѣческая красота и сверхчеловѣческая доблесть, сами собой сдѣлаютъ свое дѣло; разгорится распря въ долинѣ Скамандра—

и у стѣнъ Иліона
Племя героевъ погибнетъ: свершится Зевесова воля.

* * *

Счастливые люди жили тогда! Для нихъ отвлеченная истина сама собой облекалась въ наглядный, прекрасный символъ, нагая исторія выступала нарядной притчей, еще раньше подкупающей нашъ взоръ, чѣмъ ее успѣетъ одобрить

В. И. Шухаевъ. *Этюдъ деревенскаго парня.*

нашъ разумъ. И несчастное племя живетъ теперь. Правда, оно гордится своимъ стремленіемъ къ нагой истинѣ, но въ томъ-то и состоитъ его заблужденіе, что ея божественная нагота недоступна смертному взору, и что оно принимаетъ за таковую то, что на дѣлѣ—лишь другая оболочка богини, менѣе прекрасная, но не болѣе истинная, чѣмъ та прежняя—отвлеченность и дискурсивное мышленіе.

Ну, что же, переоблачимъ нарядную истину кипрскаго пѣвца.

Въ оные дни населеніе Эллады, возрастая съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, стало, наконецъ, слишкомъ многочисленнымъ; оно не могло болѣе кормиться плодами своей родной земли. По ту сторону моря было могучее царство, плѣняющее его всѣми красотами сказочнаго востока. Правда, его силы не уступали его богатству; побѣда надъ нимъ не представлялась легкимъ дѣломъ. Но нужда выростила и храбрость; рать за ратью двинулась въ долину Скамандра; сотни, тысячи полегли подъ стѣнами Трои; облегченная, вздохнула свободнѣе эллинская земля.

* * *

Когда мы были еще учениками, наша западная сосѣдка послѣ побѣдоносной войны съ Франціей насчитывала 45 милліоновъ жителей и считалась густо населенной страной. Всего на одно только поколѣніе передвинулась стрѣлка міровыхъ часовъ, наши сыновья теперь тамъ, гдѣ мы были тогда, и уже это населеніе доросло до 70 милліоновъ. Чего только не предпринимали умные руководители его судебъ, чтобы прокормить этотъ огромный излишекъ! Налегли на промышленность, усилили торговлю, чтобы залучить къ себѣ золотой потокъ мірового капитала; завели колоніи на всѣхъ материкахъ, чтобы дать сравнительно безобидный исходъ набухшей жизни, задыхающейся въ слишкомъ тѣсныхъ предѣлахъ родной земли... Но всѣ эти мѣры давали лишь временное облеченіе, и послѣднимъ, крайнимъ средствомъ все таки осталось то, которое уже три тысячелѣтія назадъ предусмотрѣлъ лукавый умъ греческаго Мефистофеля, духа хулы и отрицанія.

И, кажется, оно помогаетъ. Лишь семь съ небольшимъ мѣсяцевъ успѣло пройти со времени начала войны, и уже, говорятъ, свыше двухъ милліоновъ особей изъ того набухшаго населенія вернуло изнуренной землѣ отнятые у нея элементы плоти. Нарушенное равновѣсіе мало-по-малу возстановляется—равновѣсіе между питающими и питаемыми частицами міровой субстанціи. Растутъ и растутъ безчисленныя «братскія могилы», обитель смрада и тлѣна для нынѣ живущихъ, обильный перегной жизни для будущихъ поколѣній. И это пока—дѣло зимы. Уже наступаетъ весна, недалеко и лѣто; быстрѣе и быстрѣе пойдетъ дѣло истребленія, война призоветъ себѣ на помощь свою давнишнюю испытанную союзницу—чуму, какъ ее называетъ народъ, сводя къ одному представленію все разнообразіе медицинской терминологіи. Сойдутъ въ братскія и одиночныя могилы третій, пятый, десятый милліоны, равновѣсіе возстановится, свободнѣе вздохнетъ мать-черная земля.

Таково оправданіе войны—да, также и этой войны—блѣдными устами старинаго Мома... Много ли оно хуже другихъ?

Ѳ. Зѣлинскій.

В Ъ Ч А Д У

Психологія народа—тема трудная, но... соблазнительная.

Современная война уже многихъ толкнула на рискованные экскурсы въ область психологіи нѣмецкаго народа. Вспомнили Uebermensch'a Ницше и сблизили его съ „Deutschland, Deutschland über alles“. Нашелся самобытный мыслитель, который сумѣлъ связать Канта и Круппа. Забродила мысль о германскомъ «засильѣ». Не только въ промышленности и торговлѣ, но и въ наукѣ. Лозунгъ дня—долой все нѣмецкое!

Ученые, какъ имъ и подобаетъ, свой «патріотическій» порывъ спѣшатъ подкрѣпить ссылками на особенности русскаго мышленія и русской психологіи вообще. Въ этомъ отношеніи, утверждаютъ нѣкоторые, мы ближе къ англичанамъ и, пожалуй, французамъ, чѣмъ къ нѣмцамъ. «Пора, пора намъ имѣть свою, русскую науку!» патетически восклицаютъ они.

Все это прекрасно. Жаль только, что и тутъ оправдывается пословица: «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.»

Канонада чудовищныхъ орудій сдѣлала насъ тугими на ухо, ослабила зоркость нашего зрѣнія. Мы—въ чаду злыхъ чувствъ.

Было время, когда Англію, нашу теперешнюю союзницу, называли не иначе, какъ «коварный Альбіонъ». Еще свѣжа была память о севастопольской войнѣ, и многія проявленія дальнѣйшей англійской политики возмущали нашу общественную совѣсть.

Н. Я. Данилевскій въ книгѣ «Дарвинизмъ», кажется, довольно убѣдительно доказывалъ тогда, что неслучайно въ Англіи родился Гоббсъ съ его принципомъ „bellum omnium contra omnes“ («война всѣхъ противъ всѣхъ»), Адамъ Смитъ съ его ученіемъ о свободной конкуренціи и, наконецъ, Дарвинъ съ его теоріей естественнаго отбора при борьбѣ за существованіе: всѣ эти факты имѣютъ одинъ корень въ національномъ характерѣ англичанъ, уже прославившихъ себя безудержной завоевательной политикой и другими подвигами въ борьбѣ за существованіе.

Какъ же быть намъ съ англійской, нѣмецкой и вообще не-русской наукой? Простой, но вразумительный отвѣтъ далъ еще въ 1888 г. Вл. С. Соловьевъ: «Развитіе науки не можетъ быть разграничено ни по культурно-историческимъ типамъ, ни по національностямъ: наука есть общее нераздѣльное дѣло, въ которомъ вполнѣ солидарны между собою ученые всякихъ націй и типовъ. А что, затѣмъ, въ этомъ

общемъ дѣлѣ національность ученыхъ имѣетъ нѣкоторое относительное вліяніе на характеръ и направленіе ихъ частныхъ трудовъ—этого никто никогда не отрицалъ. Нельзя ничего возразить въ принципѣ противъ того указанія, что французы оказались преимущественно способными къ созданію естественныхъ системъ, а нѣмцы—къ открытію частныхъ эмпирическихъ законовъ, хотя самый этотъ выводъ кажется намъ слишкомъ частнымъ и слишкомъ эмпирическимъ. Получится ли въ самомъ дѣлѣ какое нибудь опредѣленное понятіе о національномъ характерѣ нѣмецкаго ума, если сопоставить эту предполагаемую склонность къ частному и эмпирическому съ несомнѣннымъ превосходствомъ нѣмцевъ въ сферѣ самой общей раціональной философіи? Да и въ области точныхъ наукъ при возведеніи научныхъ знаній на степень общаго раціональнаго закона—изъ двухъ случаевъ въ одномъ участвовали нѣмцы». Общая эволюція научной мысли совершается совмѣстнымъ трудомъ ученыхъ изъ разныхъ націй. «Каждый народъ занимается наукою (какъ и всѣмъ прочимъ) по-своему, на свой ладъ. Но это свое въ ученыхъ трудахъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и т. д. нисколько не мѣшаетъ имъ заниматься однимъ общимъ научнымъ дѣломъ, въ которомъ всѣ они вполнѣ солидарны между собою и которое принадлежитъ не какому нибудь культурно-историческому типу, а всему человѣчеству».

Русскіе ученые и художники по-своему, по—можемъ съ гордостью сказать мы—уже немало, содѣйствовали росту науки и искусства. Пусть же будущее, на которое мы возлагаемъ теперь столько свѣтлыхъ надеждъ, дѣйствительно откроетъ русскому генію возможность свободнаго полета въ лазурное царство мысли и творчества.

П. Сакулинъ.

ИЗЪ АРХИВА «СѢВЕРНАГО ВѢСТНИКА»

Помѣщенныя ниже письма Л. Н. Толстого, Н. С. Лѣскова и Я. П. Полонскаго передала для «Невскаго Альманаха» Л. Я. Гуревичъ, издававшая, съ 1891 г. по 1898 г. включительно, ежемѣсячный литературно-политическій журналъ «Сѣверный Вѣстникъ».

ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО

Дорогая Любовь Яковлевна,

Статья моя окончена [1]), но она очень измѣнилась и не къ лучшему въ отношеніи цензурномъ. Не знаю, какъ вы съ ней справитесь. Я посылаю ее нынче 10-го въ Парижъ и потому думаю, что она во всякомъ случаѣ выйдетъ раньше, чѣмъ у васъ, если она когда и выйдетъ у васъ. Одинъ мой другъ совѣтовалъ мнѣ отдать ее Гроту [2]), расчитывая, что у него она скорѣе пройдетъ, а вамъ возмѣстить это чѣмъ либо другимъ. Какъ вы объ этомъ думаете?

Но это все не важно. Главная цѣль моего письма есть то, что вы узнаете изъ прилагаемаго письма Горбунова: напечатаніе статьи Аполлова. Я помню, статья хорошая, а кромѣ того вы видите, что это важно для его бѣдной семьи въ матерьяльномъ отношеніи.

Мы всѣ живемъ по старому. Наши вамъ кланяются.

Любящій васъ Л. Толстой.

9 августа (1893 г.).

---

[1]) Статья о голодѣ, о которой говорится также въ письмѣ Толстого къ Н. Я. Гроту, отъ 9 авг. 1893 г., вошедшемъ во II томъ «Писемъ Л. Н. Толстого», изд. К-ва «Книга». 1911.

[2]) Въ журналъ «Вопросы философіи и психологіи».

Примѣч. Л. Г.

ДВА ПИСЬМА Н. С. ЛѢСКОВА

I

2 іюля 892.
Усть Нарова, Шмецке, 4.

Уважаемая Любовь Яковлевна!

Я получилъ вчера Ваше письмо, писанное въ Пбгѣ 29 іюня, передъ отъѣздомъ въ Тульскую губернію . . . . . .

...Я говорилъ о «силахъ» въ иномъ смыслѣ: достанетъ ли силъ всегда итти безстрашно?.. Я видѣлъ честныхъ людей, которые «начинали за здравіе, а кончали за упокой»... Надо имѣть эту силу—итти ни отъ чего не зависимо, кромѣ сознанной истины,—надо имѣть силу не жалѣть себя. Вы даете чувствовать, что въ Васъ это есть,—ну и довольно этого.

Новая іюльская книжка хороша. Читаемаго оч. много и есть немало весьма хорошаго. Всѣ 4 этюда Флексера[1]) оч. правдивы: Боборыкинъ и Жемчужниковъ оцѣнены вѣрно и прекрасно; Волконскій критикованъ умно, о Чернышевскомъ сказано то, что давно сказать слѣдовало. Статья Соловьева[2]) производитъ сильное впечатлѣніе: «пустыня надвигается». Романъ Лугового[3]) начатъ интересно въ главномъ лицѣ,— вторые персонажи слабы, а заглавіе не ясно, и не держится въ памяти—все его забываешь. Это значитъ не хорошо. Бѣжецкій «поставленъ на свое мѣсто». Объ усталости[4]) устаешь читать. «Дневн. Башкирцевой»— интересно и...жалостно. «Жилье нашего крестьянина» прекурьезно: авторъ (стр. 2 до 1-го абз.) позабылъ потолокъ!.. Но будемъ надѣяться, что наши обстоятельные рецензенты этого не замѣтятъ и избы останутся безъ потолковъ (это Альбову вина).

О намѣреніи Вашемъ побывать въ Ясной Полянѣ скажу, что это хорошо: Л. Н. человѣкъ преполезный, но я знаю, что онъ боленъ, и пот. не рѣшаюсь ему писать о Вашемъ намѣреніи, а пишу объ этомъ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ, и письмо черновое посылаю Вамъ, чтобы Вы знали, что я о Васъ писалъ.

---

[1]) А. Л. Волынскаго.

[2]) Статья Владимира Соловьева «Врагъ съ востока» объ изсушающихъ почву восточныхъ вѣтрахъ, дѣйствіе которыхъ можетъ быть побѣждено только силою хозяйственной культуры.

[3]) «Грани Жизни».

[4]) Лекціи М. Манасеиной «Объ усталости».

Примѣч. Л. Г.

Теперь Вамъ придется, вѣроятно, не долго подождать отъ кого нибудь изъ нихъ письма и поступить далѣе по усмотрѣнію. Я не сомнѣваюсь, что Вы будете встрѣчены дружески, и что въ нихъ Ваше появленіе не возбудитъ страха къ «интервью», которое ужасно надоѣло всему пхъ въ этомъ смыслѣ несчастному семейству.

Случай, о кот. я писалъ Ф-ру, касается не настоящаго, а недавняго прошлаго. Лица, о котор. возникло сомнѣніе, уже нѣтъ тамъ, да и «самое сомнѣніе сомнительно, и то сомнительно, что оно сомнительно». Всѣ члены семьи Л. Н. очень просты и прямы, не исключая и самой графини, которая раздѣляетъ многія мнѣнія мужа, а многихъ не раздѣляетъ, но и съ нею нѣтъ никакого труда держать себя. Съ Л. Н. совѣтую быть откровенною, прямою и искреннею, т. к. онъ чрезвычайно проницателенъ, а съ довѣрчивыми людьми и самъ становится довѣрчивъ. Слова его, по моимъ ощущеніямъ, производятъ впечатлѣніе могучее,—теплое и возвышающее.

Сдѣлавъ для устройства Вашего свиданія то, что мнѣ казалось за наилучшее, я буду очень радъ, если Вы мнѣ напишете: чѣмъ это кончится.

Преданный Вамъ

Н. Лѣсковъ.

(Приложена копія письма къ гр. С. А. Толстой.)

II

12—VII,—92.
Усть Нарова, Шмецке, 4.

Уважаемая Любовь Яковлевна!

Вчера я получилъ отъ графини Софьи Андреевны Толстой увѣдомленіе, что она Вамъ написала приглашеніе къ нимъ, въ Ясную Поляну. Стало быть, это Ваше желаніе исполнено, и Вы можете видѣться съ Л. Н. и бесѣдовать съ нимъ, не ощущая ни малѣйшей неловкости, чего, впрочемъ, и безъ того, вѣроятно, не было бы, т. к. и самъ Л. Н. и вся его семья а особенно дѣвицы — отличаются самою теплою и задушевною простотою, которая къ нимъ влечетъ сердца и съ ними сближаетъ.

Но графиня пишетъ мнѣ, что Л. Н. былъ на отъѣздѣ къ голоднымъ и не вернется въ Ясную Поляну до конца іюля... Какъ это: удобно Вамъ или не удобно? Мнѣ объ этомъ очень хотѣлось бы знать. Отъ Ак. Льв. письма не получалъ.

Статья Весина цитирована въ газетахъ и (какъ я и надѣялся)—никого не смущаетъ, что у него избы безъ потолковъ... Ну и прекрасно!..

Напишите пожалуйста: увидитесь Вы съ Л. Н., или это невозможно? Надо бы употребить возможныя усилія, чтобы свиданіе состоялось! Онъ человѣкъ дѣльный и преполезный.

Дружески жму Вашу руку.

Н. Лѣсковъ.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА Я. П. ПОЛОНСКАГО

I

СПБ. Знаменская ул., 26.

Дорогая и милѣйшая Любовь Яковлевна.

Вашей переписчицы все нѣтъ и нѣтъ. Что Вы объ этомъ забыли, это болѣе чѣмъ невѣроятно; — но всего вѣроятнѣе, что Вы не нашли ее, — что она больна, что она такъ занята, что не можетъ взяться за переписку—или не можетъ или не хочетъ.—Но что бы ни было, дайте мнѣ знать, чтобы я не ждалъ и не упускалъ времени—иначе я никогда не кончу.

Переписчиковъ и переписчицъ такъ много, что даже и жаль и досадно... Я ни къ кому не обращался и не обращусь, пока не получу Вашего отвѣта. —

Очень я доволенъ Вашимъ октябрскимъ номеромъ. И «Грани Жизни» [1]) хороши, и статья объ Ибсенѣ [2]) хороша, и Дневникъ Башкирцевой оставляетъ впечатлѣніе, и Литературныя замѣтки [3]) мнѣ по душѣ. Кто этотъ Н. Минскій?—Поэтъ или другой?

Посылаю Вамъ книгу «De la Realité de Monde Sensible, par Jean Jourès» [4]).

Мнѣ кажется, что она стоитъ того, чтобъ г. Волынскій обратилъ на нее свое вниманіе. Конечно, я не судья, но, читая книгу эту, мнѣ казалось, что я имѣю дѣло съ умомъ самостоятельнымъ и что кое какіе выводы и пріемы его — далеко не зады, или повтореніе стараго. Я, конечно, не могу ручаться за слова свои, такъ какъ и десятитысячной доли не прочелъ всего, что писалось по предметамъ философіи.

---

[1]) Романъ А. Лугового.

[2]) Статья Н. Минскаго.

[3]) Ежемѣсячныя литературныя статьи А. Волынскаго.

[4]) Поэтъ цитируетъ названіе извѣстной книги Жана Жорэса, очевидно, на память, что объясняетъ неточность въ обозначеніи фамиліи автора.

Примѣч. Л. Г.

Если не ошибаюсь, объ этой книгѣ никто еще не сказалъ у насъ ни единаго слова.—Справьтесь съ книжками «Вопросы философіи и психологіи» за 1892 годъ—можетъ быть, тамъ и найдется отзывъ или рецензія. Журналъ этотъ въ прошломъ году я не получалъ. Но недавно прочелъ «Свое Слово» проф. Козлова—и несмотря на то, что въ № 4-мъ онъ бесѣдуетъ о пространствѣ,—ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Журе [1]).

Но прощайте—трудно писать при двойномъ освѣщеніи: отъ двухъ оконъ и двухъ свѣчей. Кланяйтесь Вашей редакціи и Вашему Папа.—Остаюсь Вашъ,

Вамъ преданный

Я. Полонскій.

3 Октября 1892.

II

Знаменская, 26.

Дорогая Любовь Яковлевна.

Или Вы забыли о моемъ Мечтателѣ, [2]) или отложили его печатанье до будущаго года, или совсѣмъ раздумали его печатать... Несмотря на всѣ мои тяжкіе недуги, я кончилъ трудъ мой — послѣдніе два листа будутъ переписаны къ будущей пятницѣ. Если вы намѣрены печатать къ Декабрю, то пора доставить Вамъ рукопись—могу сдать Вамъ начало. А рукопись довольно велика—около 15 листовъ. Къ тому же при корректурѣ—неизбѣжны поправки, а это замедляетъ дѣло.—Какъ давно я съ Вами не видался! Ни Васъ, ни Вашего отца не вижу, и самъ не выхожу по цѣлымъ недѣлямъ.

Увѣдомьте, во 1-хъ, нужна ли Вамъ рукопись, во 2-хъ, здоровы ли Вы, въ 3-хъ, когда застать Васъ такъ, что(бы) Вамъ не помѣшать. Кланяйтесь г. Волынскому — не успѣлъ еще прочесть статьи его о Кольцовѣ. — Столько накопилось писемъ, что не нахожу времени на то, чтобъ отвѣчать на нихъ. Иностранныхъ книгъ тоже не малое количество [3]).

Съ прошлой пятницы я уже успѣлъ вынести и лихорадку, и боль въ печени, и жаръ въ 40°, и—теперь желтый, и по ночамъ безсонница. Буду ждать отвѣта.

Вамъ душевно преданный

Вашъ Я. Полонскій.

1892 г. 3 Ноября. Вторникъ.

---

[1]) Жорэсѣ.

[2]) «Мечтатель». Юноша 30-хъ годовъ XIX ст., разсказъ въ стихахъ. — Разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ январской и февральской книжкахъ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1893 г.

[3]) Рѣчь идетъ объ иностранныхъ книгахъ, которыя Я. П. Полонскій читалъ по слѹжбѣ въ иностранной цензурѣ. *Примѣч. Л. Г.*

III

Глубокоуважаемая Любовь Яковлевна.

Посылаю Вамъ корректуру — поправилъ, что могъ и что успѣлъ — прибралъ даже два эпиграфа, изъ которыхъ ясно, что и юность Жуковскаго, и юность Виктора Гюго были недалеко отъ моего юноши Вадима. Такимъ же идеализмомъ и романтизмомъ вѣяло и отъ нихъ [1]).

Впрочемъ, если Вы найдете, что эпиграфы мои не нужны, то—поступите съ ними, какъ знаете.

Если все будетъ разобрано и все понято въ редакціи, то думаю, что присылать мнѣ другой корректуры не нужно.

А когда я получу вторую половину моего разсказа?

Эту вторую половину я писалъ больной—и полагаю, что она потребуетъ большихъ съ моей стороны поправокъ.

Очень я Васъ сожалѣю—не имѣть ни минуты досуга и отдыха—ужасно.

Если бы Вы не церемонились, то пріѣхали отдохнуть у насъ за обѣдомъ или за чайнымъ столомъ—нельзя же не отдыхать—или совсѣмъ, совсѣмъ бросить Якова Петровича Полонскаго!..

Но я ни на что не въ претензіи. Будьте только здоровы. — Мои Собаки [2]), кажется, никому не угодятъ ни вверху, ни внизу — ни вправо, ни влѣво... Ну и пусть!..

Рецензенты — иные постараются замолчать, иные ограничатся банальными похвалами, которыя для меня хуже брани. Но—прощайте.

Пріѣхалъ бы самъ, но боленъ гриппомъ—была и лихорадка, и жаръ—и все, какъ слѣдуетъ...

Вашъ папа хотѣлъ прислать за экземпляромъ Собакъ и не присылалъ. — Авось сегодня онъ почтитъ мою пятницу, если только не засидится у какой нибудь Варвары, ибо сегодня Варваринъ день.

Заочно цѣлую Вашу руку

и остаюсь дружески расположенный

Я. Полонскій.

1892. 4 Декабря.

---

[1]) Рѣчь идетъ о упомянутомъ уже въ предыдущемъ письмѣ разсказѣ въ стихахъ «Мечтатель».

[2]) Вышедшая незадолго передъ тѣмъ большая поэма аллегорическаго характера или, какъ опредѣляетъ ее самъ Я. П. Полонскій въ одномъ изъ ненапечатанныхъ писемъ его къ Л. Я. Гуревичъ, «животный эпосъ», съ намеками на русскую дѣйствительность.

Примѣч. Л. Г.

IV

Глубокоуважаемая Любовь Яковлевна.

Несмотря на мою стариковскую забывчивость, живо помню Ваше послѣднее посѣщеніе—Ваше неожиданное появленіе у меня въ кабинетѣ.

Въ надеждѣ на Вашу снисходительность, посылаю Вамъ въ Вашъ «Сѣверный Вѣстникъ» мое послѣднее стихотвореніе, которымъ я обмолвился [1]).

Примите его, если оно недурно.

Я уже отвыкъ стихи писать — только сказочныя курицы носятъ золотыя яйца—но я давно уже пересталъ быть сказкой—иначе сказать, «Лѣта къ смиренной прозѣ клонятъ».

И слава Богу!

Кланяйтесь Вашимъ сотрудникамъ и не забывайте Вамъ преданнаго

Я. Полонскаго.

1894. 2 Октября.

ПИСЬМО А. П. ЧЕХОВА КЪ О. Л. КНИППЕРЪ

2 янв. 1900. (Ялта).

Здравствуйте, милая актриса! Вы сердитесь, что я такъ долго не писалъ Вамъ? Я писалъ Вамъ часто, но Вы не получали моихъ писемъ, потому что.....

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Желаю Вамъ въ самомъ дѣлѣ счастья и кланяюсь Вамъ въ ножки. Будьте счастливы, богаты, здоровы, веселы.

Мы живемъ ничего себѣ, много ѣдимъ, много болтаемъ, много смѣемся и о Васъ вспоминаемъ очень часто. Маша разскажетъ Вамъ, когда вернется въ Москву, разскажетъ, какъ мы проводили праздники.

---

[1]) Стихотвореніе «Признаніе», начинающееся такъ:

Всѣ эти годы сѣрые,
День изо дня,
Влачилъ почти безъ вѣры я
Въ сны бытія...

Оно было напечатано въ ноябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1894 годъ.

Примѣч. Л. Г.

Я не поздравлялъ Васъ съ успѣхомъ «Одинокихъ». Мнѣ все еще мерещится, что всѣ вы пріѣдете въ Ялту, что я увижу «Одинокихъ» на сценѣ и поздравлю Васъ сердечно, по настоящему. Я Мейерхольду писалъ и убѣждалъ въ письмѣ не быть рѣзкимъ въ изображеніи нервнаго человѣка (Іоганнеса въ «Одинокихъ» Г. Гауптмана—прим. ред.). Вѣдь громадное большинство людей нервно, большинство страдаетъ, меньшинство чувствуетъ острую боль, но гдѣ—на улицахъ и въ домахъ—Вы видите мечущихся, скачущихъ, хватающихъ себя за голову? Страданія выражать надо такъ, какъ они выражаются въ жизни, т. е. не ногами и не руками, а тономъ, взглядомъ; не жестикуляціей, а граціей. Тонкія душевныя движенія, присущія интеллигент. людямъ, и внѣшнимъ образомъ нужно выражать тонко. Вы скажете: условія сцены. Никакія условія не допускаютъ лжи.

Сестра говоритъ, что Вы чудесно играли Анну. Ахъ, если бы Художественный театръ пріѣхалъ въ Ялту!

Въ Нов. Времени очень похвалили Вашу труппу. Тамъ перемѣна курса; очевидно, и въ великомъ посту будутъ хвалить всѣхъ васъ. Въ февр. книжкѣ «Жизни» будетъ моя повѣсть («Въ оврагѣ»—прим. ред.)—очень страшная. Много дѣйствующихъ лицъ, есть и пейзажъ. Есть полумѣсяцъ, есть птица выпь, которая кричитъ гдѣ то далеко-далеко: бу-у! бу-у!—какъ корова, запертая въ сараѣ. Все есть.

У насъ Левитанъ. На моемъ каминѣ онъ изобразилъ лунную ночь во время сѣнокоса. Лугъ, копны, вдали лѣсъ, надо всѣмъ царитъ луна.

Ну-съ, будьте здоровы, милая, необыкновенная актриса. Я по Васъ соскучился.

Вашъ А. Чеховъ.

А когда пришлете Вашу фотографію? Что за варварство!

Содержаніе

Предисловіе 5
К. Арсеньевъ. Когда короткій день склоняется къ закату... (Стихотвореніе) . 7
Ѳ. Батюшковъ. Небо и люди. . . . . —
Александръ Блокъ. Juvenilia. (Два стихотворенія) 8
К. Бальмонтъ. Къ лунѣ. (Стихотвореніе) 9
Валерій Брюсовъ. Пора! (Стихотвореніе). 10
Анна Ахматова. Былъ онъ ревнивымъ, тревожнымъ и нѣжнымъ... (Стихотвореніе) 11
Марія Веселовская. Король Альбертъ и бельгійскіе писатели . . . . . —
З. Гиппіусъ. Не будемъ, какъ солнце. (Стихотвореніе) 13
Леонидъ Андреевъ. Второе дѣйствіе пьесы «Младость» 14
А. Купринъ. Рокъ. (Стихотвореніе). 27
К. Баранцевичъ. Изъ одного письма. . . . . —
А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ жизни Гл. Ив. Успенскаго 28
А. Е. Грузинскій. Сраженіе со змѣемъ. (Изъ «Шах-наме» Фирдуси) . . . 31
М. Гершензонъ. Дѣло правды и разума. 34
Н. Карѣевъ. Ex praeterito spes in futurum!. 36
Вячеславъ Ивановъ. Минувшее лѣто. (Стихотвореніе) 37
Юрій Верховскій. Въ селѣ. (Стихотвореніе) 38
А. Калмыкова. Инстинктъ и идеалъ . . . . . —
Г. Вяткинъ. Сѣверная баллада. (Стихотвореніе). 39
В. Кузьминъ-Караваевъ. Кто побѣдитъ?. 40
Н. Гумилевъ. Какъ могли мы прежде жить въ покоѣ... (Стихотвореніе) . 41
А. Ѳ. Кони. Mortuos plango!. 42
Г. Галина. Война... (Стихотвореніе) 43
С. Кондурушкинъ. Объ опасностяхъ войны 44
Вл. Кранихфельдъ. Элегія 45
М. Невѣдомскій. Moratorium 46
Н. В. Недоброво. Свѣтлое Воскресеніе четырнадцатаго года. (Стихотвореніе). 47
Д. Мережковскій. Декабристъ Булатовъ 48
О. Мандельштамъ. Encyclica. (Стихотвореніе). 58
Евг. Тарле. Афоризмъ А. И. Герцена. . . . . —
Л. Пантелѣевъ. Случайные разговоры 59
Дмитрій Крючковъ. Свѣтлый сонъ... (Стихотвореніе) 61
А. С. Пругавинъ. Вѣчные лозунги 62
Т. Щепкина-Куперникъ. Дѣти бѣженцовъ. (Стихотвореніе). 63
Алексѣй Ремизовъ. Золотой столбъ. (Сказка) 64

Ѳедоръ Сологубъ. Четырнадцать стихотвореній. 67
П. Соловьева (Allegro). Бабушка. (Стихотвореніе). 76
Ив. Озеровъ. За творчество!. 77
Анатолій Кремлевъ. Мы жаждемъ борьбы... (Стихотвореніе) . . . . . —
С. Рафаловичъ. Я не вѣрю тому, чѣмъ живу и томлюсь... (Стихотвореніе). 78
Игорь Сѣверянинъ. Письмо хорошей дѣвушки. (Стихотвореніе) 79
Ф. Червинскій. О, долго ты, душа, была мертва... (Стихотвореніе) . . . —
Тэффи. Огонекъ. (Стихотвореніе) 80
Георгій Чулковъ. Два стихотворенія. 81
Максимъ Ковалевскій. Въ плѣну 82
Ив. Бунинъ. Въ темную ночь, въ штиль, подъ экваторомъ. (Стихотвореніе). 87
Ѳ. Зѣлинскій. Земля и война 88
П. Сакулинъ. Въ чаду. 90
Изъ архива «Сѣвернаго Вѣстника».
Письмо Л. Н. Толстого. 92
Два письма Н. С. Лѣскова 93
Четыре письма Я. П. Полонскаго. 95
Письмо А. П. Чехова къ О. Л. Книппер 98

РИСУНКИ

А. Ф. Афанасьевъ. Рисунокъ.
А. Ѳ. Гаушъ. Англійскій пейзажъ.
Б. Д. Григорьевъ. Флоренція. Ponte Vecchio.
М. В. Добужинскій. Въ усадьбѣ.
Н. Н. Дубовской. Черное море.
В. И. Зарубинъ. Нормандія. Картре.
Д. Н. Кардовскій. Проводы.
Б. М. Кустодіевъ. Крестный ходъ.
Г. К. Лукомскій. Прага.
В. Е. Маковскій. Лѣсничій.
И. И. Нивинскій. Св. Севастьянъ. Посвящается разоренной Бельгіи (офортъ).
К. С. Петровъ-Водкинъ. Распятіе.
Н. К. Рерихъ. Зарево.
И. Е. Рѣпинъ. В. М. Гаршинъ въ гробу.
В. Я. Сурениянцъ. Эскизъ плаката для сбора «Петроградъ—Армянамъ».
П. А. Шиллинговскій. Видъ Балканъ.
В. И. Шухаевъ. Этюдъ деревенскаго парня.
Концовки: К. Ѳ. Богаевскаго (стр. 57), В. П. Бѣлкина (стр. 12), М. В. Добужинскаго (стр. 30, 63 и 87), В. Н. Левитскаго (стр. 33, 61 и 99), Д. И. Митрохина (стр. 26), Е. И. Нарбута (стр. 91), Д. С. Стеллецкаго (стр. 56), М. Эбермана (стр. 78) и А. Е. Яковлева (стр. 41 и 47).
Обложка и титульный листъ: М. В. Добужинскаго.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

опись 12709, с. 1-102

5.11.13